

КОНСТАНТИН
КРАПИВКО

БОГ ПИВА

Константин Крапивко

Бог пива

Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39468552

Бог пива: роман. / Крапивко К.А.: Центрполиграф; Москва; 2019

ISBN 978-5-227-08432-3

Аннотация

Со старинными рукописями надо обращаться осторожно! Ведущий разработчик популярной компьютерной игры «Кольцо миров», разумеется, знал об этом, но допустил ошибку. Теперь ему предстоит путешествие в другой мир и встречи с необычными существами: языческими богами, демонами, драконами и, разумеется, с самыми странными из всех – с людьми... Герою необходимо выжить и вернуться домой, используя возможности таинственного изначального языка. Впрочем, ему повезло – на своем пути он встретил бога пива...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	74
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Константин Крапивко

Бог пива

*Денису Корнюхину,
без которого этой книги не было бы*

Глава 1

Энди Васин. Рабочее чаепитие

– Скверные времена, – сказал я Катьке. – Честному человеку негде украсть денег, абсолютно негде. А тут еще ты пристаешь!

Вместо ответа, Катька (она же Ватрушка, она же Васенька, она же Мымрик, она же Зараза Подлая) боднула меня в голень. Я открыл свежую пачку рагу и выдавил содержимое в кошачью миску. Зараза Подлая понюхала, брезгливо трянула хвостом и изобразила, что закапывает еду. После чего демонстративно принялась жевать свою травку из стоящей тут же кадки, склонив морду набок и блаженно шурясь.

– Кошка, ты – корова! – сердито объявил я. – Все! К хозяину не приставать. Хозяин работает.

Я подошел к окну и прислонился к стеклу лбом. Стекло было прохладным. Снаружи накрапывало, капли умиротворяюще постукивали по подоконнику. Надо было думать, но думать было лень. Не хотелось мне думать – хотелось прокрастинировать. И вообще, работать в выходные... всех денег все равно не... мало ли что я обещал...

Ладно. Необходимо было взбодриться, и я решил заварить свежего чая. И заварил тщательно: ошпарил чайничек, насыпал, не скупясь, четыре ложки красного, долил кипятком на треть. Пока заварка настаивалась, я оторвал листок с отрывного календаря и повертел его в руках. Двенадцатое июня, суббота. Восход, закат, долгота дня (долгая долгота)... На другой стороне очень актуальная статейка. «Кухня без жены». Начиналась она словами «Сделайте себе бутерброд...».

Я скомкал листок и выбросил его в мусорное ведро. Долил горячей водой до самого верха чайничка, помешал ложкой, несколько раз аккуратно перелил чай в стакан и обратно – «подженил», как сказал бы мой покойный дед. Вышло вкусно. Замечательно вышло! Поколебавшись, добыл из холодильника лимон, отрезал тончайший кружок...

Однако чай с лимоном без сахара пить, как известно, глупо и пошло. Я сахар не ем принципиально. Здоровый образ жизни и все такое, но тут пришлось насыпать четыре ложечки. Тщательно размешал, отхлебнул... Хорошо, но пло-

хо. Сладкий чай с лимоном без коньяка – как брачная ночь без невесты. Поколебавшись для очистки совести, достал из винного шкафа початую бутылку «Ахтамара» и щедро плеснул в стакан. Кутить так кутить, авось взбодрит!

Уютно позвякивая подстаканником, отнес чай в кабинет, развалился в кресле и с удовольствием закурил, прихлебывая между затяжками. Ну-с, поглядим для затравки, что там творится на форуме нашего «Кольца миров», например в моем рунном разделе? Творились, как и следовало ожидать, всякие безобразия, ругань и плач народный творились – дескать, рунные слова слишком редко выпадают и почти не сочетаются друг с другом. Общество с надеждой ждало обещанного обновления...

Я забанил на недельку двух самых скандальных игроков и почитал предложения, надеясь увидеть что-либо толковое, способное помочь в работе. Толкового было мало: народ, как всегда, тупо хотел халявы. Но халявы, пока я рулю, – не будет! По статистике, за последнюю неделю к нам добавилось без малого три тысячи человек, и черта с два они бы добавились, если бы я не гнул свою линию и исполнял их хотелки... Что бы ни говорили сами игроки и сочувствующие им идиоты из команды!

Из хорошего: некий Corin писал, что собрал новое работающее предложение из рунных слов «небеса – путь – могущество – жизнь – вселенная – потустороннее». Результатом Corin был страшно доволен, но что дает предложение – мно-

гозначительно умалчивал. Молодец, молодец...

«Благословение седьмого неба» (название автоматически присвоил мой алгоритм проверки, – напыщенно, но людям такие названия нравятся). Я проверил действие заклинания – в игре «Благословение» дает длительный, но слабый бафф на все параметры. Что ж, награду, положенную первому, составившему предложение, Corin заработал честно – система сама награждала первого, применившего заклинание, увеличивая для него силу и продолжительность магического воздействия (в полтора раза, навечно).

Я вошел в систему, чтобы отметить рабочее время и снять сделанные задачи, и ко мне тут же постучался шеф. Шеф был страшно доволен мной и моими орлами, хотя и ворчал для порядка на художника Сашу Фурманова, находящегося в своем обычном запое. Я успокоил его в том смысле, что это рабочее состояние нашего творца и что подшофе он рисует даже лучше. Что релиз я накачу, как мы и анонсировали, – в ночь с воскресенья на понедельник, в три утра: новый подвид мобов и два новых босса (готово), новая карта (готово), и, если успею я и тестировщики не затянут, – новые руны с новой роскошной озвучкой будут тоже готовы. Кстати, дорогой шеф (пока у тебя хорошее настроение)! Любимый ты наш! Как там будет в этом месяце со сверхурочными, премиальными и компенсацией за вышеназванную озвучку?

Шеф заверил, что будет хорошо. Останусь доволен. Все останутся довольны. Продажники, конечно, такие продаж-

ники, но, что бы они продавали без нас, а? Что же касается меня, Энди Васина, то в понедельник на совещании меня ждет приятный сюрприз. Так что пусть, я готовлюсь. И работаю, черт побери, работаю! Удачи мне. И чтобы релиз – был!

Я заглянул на кухню и налил в ополовиненный стакан еще коньяку. Доверху. Небось заслужил... Подумал, не позволить ли Марине Львовне, не похвастаться ли родной жене, мокнущей у тещи на даче? Решил погодить до понедельника: мало ли что, не сглазить бы. Обещанный сюрприз шефа, понятно, сюрпризом особо не был. Контора расширялась, и меня, тьфу-тьфу-тьфу, обещали перевести из руководителей проекта в начальники направления.хлопот еще добавится, но лишний полтинник на дороге не валяется. Шел я тут давеча по дороге и специально приглядывался: нет, не валяется, падла...

Машину давно пора поменять. Домик в Черногории не помещает... и еще одну квартиру в Москве, под сдачу... Охваченный приступом жадности, я не заметил засады, и по пути с кухни был атакован решившей поохотиться Мымрей. Зверюга внезапно повисла у меня на ноге, я машинально взбрыкнул, коварное животное впечаталось в стену и медленно, как в мультике, сползло на паркет.

– Мымреныш! – воскликнул я. – Рехнулась? У меня же рефлекс! На Львовну охотиться, она смешно пищит и пугается!

Катка сидела с абсолютно очумелым видом и разглядывала

вала меня круглыми желтыми глазами с черными вертикальными штрихами зрачков: мол, хозяин, это я – рехнулась? Точно я? А может, сам охренел? Да ты ли это?!

– Ну прости, маленькая, прости. – Я виновато погладил пострадавшую. – Ладно, так и быть, сегодня можешь тусоваться у меня в кабинете. Но только сегодня!

И не стал закрывать за собой дверь, хотя Катька порой бывала чересчур назойлива в поисках любви и внимания и отвлекала от дела: лезла топтаться на клавиатуру, скидывала со стола все, что могла скинуть, драла клыками в клочки бумаги (иногда важные), приносила из корзины в ванной мои скатанные в улитку грязные носки и клала их мне на колени, видимо, в подарок...

Ногу вот мне поцарапала через джинсы, негодяйка, и я же еще и виноват... Хорошо, однако, хоть чай не пролил! Я сделал пару глотков. От чая на душе повеселело, и я бодро принялся за дело.

Систему магии для «Кольца миров» я изначально разрабатывал, пользуясь наследством деда. Старик служил в каком-то гэбэшном хранилище секретчиком (кем-то вроде архивариуса) в отделе, где собирали всякую паранормальную хрень – тогда вся эта шарлатанщина была почему-то в почете. Так что дед работал среди рукописей и книг по черной, белой и какие там еще бывают магии, а также колдовству, ведовству и остальному оккультизму. Среди прочего там был манускрипт некоего Густелиуса – в свое время его

(манускрипт, понятно, Густелиус уже много веков как помер) вывезли из какого-то гитлеровского хранилища в счет репараций.

Дед почему-то увлекся именно учением Густелиуса. Где-то в середине восьмидесятых до работы деда добрался технический прогресс в лице допотопного ксерокса, безбожно сыплющего порошка втрое больше нужного. Перед уходом на пенсию дед отксерил манускрипт, притащил ксерокопии домой и возился с ними целыми днями. Мне остались и сами любовно переплетенные в огромный том ксерокопии, и дневник деда с комментариями к ним, и надиктованные им магнитофонные кассеты, которые несколько лет тому назад я оцифровал. Сам манускрипт Густелиуса был написан на латыни. Я латынью владел. Не очень, но владел – мы все учились в институте чему-нибудь и как-нибудь...

Если откинуть многочисленные заумствования, нравоучения (вполне безнравственные, Густелиус жил в четырнадцатом веке) и прочие отвлечения и философские шалости автора, учение его было довольно примитивным. Дескать, есть некий изначальный язык, который Густелиус откуда-то узнал, но откуда – манускрипт темнит и не признается. Впрочем, пару раз (без особой теплоты) упоминался некий Учитель (с большой буквы), который сначала Густелиуса вроде репетиторствовал в языке, а потом то ли подставил, то ли просто выгнал ученика, то ли сделал какую другую пакость... Так вот, суть учения: если особым образом состав-

лять слова и фразы на этом изначальном языке, то можно совершать чудеса. Влиять на погоду, мгновенно перемещаться в пространстве, вызывать себе на подмогу чудищ, поведовать огнем, водой и прочее в этом духе. Имелся словарик латинско-изначального языка на две сотни слов (изначальный тоже записывался латиницей, приводилась транскрипция), примеры «работающих заклинаний», объяснялись общие принципы их построения.

К счастью, в реальной жизни «работающие заклинания» не функционировали, сколько ни бился над ними дед (представляю, что было бы, если бы все бросились влиять на погоду простой болтовней). Но звучали они – на кассетах дед как раз надиктовывал заклинания на разные лады – сильно. Красиво звучали. Мелодично. То грозно, то ласково, то сдержанно и равнодушно, то страстно и гневно...

У деда был потрясающий голос, полагаю, из него мог выйти большой артист. Неудачам дед не огорчался, в манускрипте на такой случай была железная отмазка: «*Lingua vera domini eligis*» – мол, истинный язык сам выбирает своих носителей. Но дед до конца дней продолжал надеяться: а вдруг выберет-таки и его? За старания?..

Я воспользовался всем этим богатством в «Кольце миров»: игроки получали рунные свитки со словами или, что очень редко, с готовыми предложениями заклинаний, позаимствованными у Густелиуса. В «Кольце миров», понятно, они работали завсегда... Был некоторый шик в том, чтобы не

высасывать разнообразные заклинания, необходимые в игре, из пальца, как делают все, но брать их из труда древнего мракобеса, считавшего себя чародеем. Да и дед надеялся, что я продолжу его странное хобби, вот я и продолжил, пусть и на свой лад. И волшебный голос деда радуется теперь не только меня...

Я уже определился с рунными словами, которые собирался ввести в этом релизе. Это были слова «стража», «водопад», «дубина», «радость», «искра» и предложение-заклинание – «зажигалка». Теперь надо было подобрать им подходящую озвучку. Я начал с предложения (как с самого трудного).

«Зажигалка» – заклинание отнюдь не боевое. С его помощью можно запалить дрова в костре или, скажем, зажечь лучину или факел. Состояло оно из уже присутствующих в игре слов «огонь» и «погода» и нового слова «искра»: «Элиго милайта – делиго серрайта» (из искры огонь – в любую погоду). Я запустил файл с наговорами деда и внимательно прослушал, как он восемь раз элигомилайкает на разные лады. От отрывистой, рубленой фразы до протяжного напева, от команды до просьбы...

С первой прослушки мне, как всегда, понравились все варианты, но остановиться надо было на одном. Предстояло еще слушать и слушать. Я отхлебнул чаю, взял сигарету и пошарил на столе в поисках зажигалки (обычной человеческой зажигалки – прикурить). Зажигалки не было. Ну Кать-

ка, ну Зараза Подлая – и когда успела? Конечно, у меня дома еще имелись зажигалки, да и спички на кухне хранились, но за ними надо было идти, а трогаться с места не хотелось. Снова как следует глотнув чаю, я (от греха) убрал пачку сигарет в карман рубашки, а ту сигарету, что хотел прикурить, положил на край пепельницы. В конце концов, чем черт не шутит? В игре, читая заклинание, надо было навести курсор мыши на его цель. По Густелиусу и деду – указать дланью. Дланью мне показывать, пусть никто и не видит, было как-то неловко. Что я, как дедушка Ильич на постаменте, кривляться буду... Поэтому я просто ткнул в кончик сигареты указательным пальцем, запустил голос деда и принялся ему подражать:

– Элиго милайта – делиго серрайта... Элиго милайта, делиго серрайта!.. Элиго, милайта делиго серрайта?

Я разглядывал сигарету, надеясь заметить хоть какое-нибудь мимолетное изменение и жалея, что покойный дед не может присутствовать на моем маленьком следственном эксперименте. Увы, с сигаретой ничего не произошло. Я посмеялся над собой и встал, чтобы все-таки пойти за спичками, и тут (совсем рядом, почти под ногами) истошно заголосола Катька. До этого подобных душераздирающих воплей мне от интеллигентного животного слышать не доводилось, я вздрогнул и бросился к ней – спасать... Интеллигентное животное сидело у стены – целое и невредимое, смотрело вверх и заходило мявом. На обоях над ней расплзлось

горелое пятно, красно-черное посередине и коричневое по краям.

– Не понял? – растерянно сказал я вслух, щупая края пятна. Горячее, мать его! Львовна за обои убьет. – Не понял? Эта хрень работает, что ли?

Пятно становилось больше, неторопливо расползаясь по стене. Хрень работала! Я схватил стакан, хлебнул чаю и почесал репу. Никаких рациональных появлений пятна не придумывалось, чай и чесание не помогли. Колданул-таки, блин... но почему пятно появилось именно здесь? И что теперь с ним делать? Облить водой? Стоп! О воде. Подобное надо лечить подобным! Про воду у меня тоже колдунств хватает.

Я торопливо открыл файл с предложениями готовых заклинаний. Так... водяные... цунами и прочие наводнения с водопадами как-то слишком радикально, а вот это вроде подходящее – «Весенняя капель» (тает невидимый снег под горячей ладонью), авось ликвидирует последствия заклинания огня... Мне было интересно, так интересно, что меня даже потряхивало от возбуждения. Я сел, крепко сжал подлокотники кресла и с выражением зачитал:

– Ано ледре мадино ква пале индино!

С пятном ничего не произошло, оно продолжало неспешно расти. Может, не с тем выражением зачитал? Я выудил сигарету, подошел к пятну (пятно было уже с футбольный мяч) и прикурил из его центра. В самом деле ведро воды вы-

лить? Ладно, успеется, надо еще поэкспериментировать...

– Ано ледре мадино, – сказал я сурово, – ква пале индино!

С пятном ничего не случилось, правда, сигарета у меня в зубах погасла. Я бросил ее в направлении пепельницы и проканючил:

– Ано, ну ледре уже мадино...

Мои упражнения в декламации прервал дверной звонок. Я было решил не открывать, не хотелось отвлекаться, но посетитель оказался упорнее меня. Посетитель был просто хам. Сначала он трезвонил не переставая, а потом начал колотить в дверь так, будто твердо решил ее высадить. Я бросился в прихожую.

– Сдурели, что ли?! – проорал я на дверь. – Морду набью! В бараний рог скручу! Полицию вызову!

– Ой, открывайте скорее, – раздался взволнованный голос. – Нас так затопило, так затопило...

– Как так затопило? – тупо переспросил я, открывая дверь. – В каком смысле?

– Как, как... – передразнила соседка снизу, тощая скандальная тетка, отталкивая меня и врываясь в квартиру. – Следить надо за водой!

Я побежал за ней в ванную – в ванной было сухо. Я побежал за ней на кухню – на кухне луж не наблюдалось. Я побежал за ней в туалет – туалет оказался в порядке.

– Ничего не понимаю, – запричитала соседка. – У нас прямо ливень с потолка...

– Мы-то тут при чем? – нагло возмутился я. – Может, трубы прорвало между перекрытиями?

– Трубы? Побегу разбираться в правление!

– Конечно. Такие вещи они обязаны чинить бесплатно.

Окрыленная последним замечанием, соседка исчезла. Я запер дверь, достал зажигалку из кучи в коридорной тумбочке и задумчиво прикурил. Вот и ликвидировал пятно... Что за чертовщина творится с моими заклинаниями?! Но главное, главное – они работают! Вовсю пашут! Ударно трудятся! Фигарят! Горбатятся! Дей-ству-ют!!!

Я сходил посмотреть, как там пятно. Пятно пованивало горелым, но расти, кажется, перестало и краснота из его центра ушла. Надо было успокоиться и хорошенько все обдумать, а то как бы бед не натворить. Я распахнул окно, чтобы проветрить кабинет, облокотился на подоконник и высунулся под дождь.

С дедом бы сейчас посоветоваться... Эх, дед, дед... Кстати, в такую погоду (едва моросит и водяная взвесь в воздухе) рыбачить хорошо. Одно из самых ранних моих воспоминаний: я просыпаюсь, закутанный в телогрейку, передо мной спина деда и река, а слева и справа уже лежит по щуке. Обе длиннее меня... Хотя это было еще на Тоболе, в Казахстане, и никаким дождем там и не пахло. В дождь мы любили рыбачить потом, уже в Подмосковье. Лесной пруд, караси. Иногда дождь расходился, и дед, посмеиваясь, напевал в прокуренные усы свои мелодичные вирши. И тогда, бывало, дождь

стихал. Мне это казалось то фокусом, то чудом, то совпадением – бывало, что и не стихал и под те же дедовы вирши начинал лить как из ведра, и тогда мы бежали спасаться в машину...

Стоп! Не надо так тупить! Быть такой идиотинкой! А дланью-то, дланью я куда показывал, заклиная? Я бросился к креслу, безжалостно согнал с него кошку и постарался воспроизвести свою позу (когда колдовал «зажигалку»): вальяжно откинулся на спинку, нога на ногу, левая рука под головой, правая вытянута к пепельнице, палец показывает вниз, на кончик сигареты. Палец-то вниз, а вот кулак и вся остальная рука – аккурат на пятно! Ой-е... ой... я, когда «капель» декламировал, – руками за подлокотники держался, вот оно вниз и долбануло. М-да, неловко-то как вышло... бедные соседи! Ладно, пес с ними. Я им потом, как разберусь, ремонт наколдую... А я разберусь. Времени впереди у меня много. Вся жизнь у меня впереди!

Чай закончился, я сбегал на кухню, плеснул в стакан еще коньячку и заодно захватил с собой бутылку, чтобы не вставать лишний раз. Катьку, которая успела устроиться на клавиатуре, переложил на принтер и запустил программку, проверяющую в «Кольце миров» деструктивную способность заклинаний. А то как бы невзначай метеоритный дождь не вызвать, землетрясение или извержение вулкана... Я теперь, похоже, все это могу. Жаль все-таки, что я не террорист: ужо показал бы проклятым капиталистам!

Откинувшись в кресле, я начал размышлять о новых теоретических возможностях, неожиданно открывшихся передо мной. Мысленно просмаковал церемонию вручения мне Нобелевской премии... Да что премия – чепуха премия! Лучше я использую колдовство в корыстных целях. Все женщины будут любить только меня. Я сделаюсь верховным правителем Земли. Возьму к ногтю миллиард-другой... Все станут меня уважать. «О-о-о, – скажут все, – никто еще не брал к ногтю миллиарда. Это великий человек!»

Потом, под облагораживающим воздействием «чая», я размышлял, как облагодетельствую человечество. Не буду никого брать к ногтю. Наоборот, устрою золотой век. Накормлю всех. Привью любовь к изящным искусствам. Разберусь с экологией. Не знаю еще как, но разберусь. Мне давно пора разобраться с экологией...

Некоторое время я занимался тем, что придумывал варианты памятников. Себе. Прижизненных, разумеется. Хватит уже Ленину торчать на Калужской площади! Там давно пора торчать мне. Благодарное человечество исправит эту ошибку! А эта безвкусная статуя Свободы? А зеленый медный Петр? Кому они нужны?!

Кстати! Господа скульпторы! Убедительная просьба меня из меди не ваять. Титан, и только титан! Добром прошу...

Я распечатал заклинания, которые уже имел. Вместе они смотрелись внушительно (всего шестьдесят два заклинания). Налюбовавшись, я сложил распечатку, засунул ее в на-

грудный карман и вспомнил про шестьдесят третье – то, которым Согин хвастался сегодня на форуме («Благословение седьмого неба»). Я полез в нужную ветку, чтобы добавить его в файл, и в этот момент телефон грянул «Имперский марш» из «Звездных войн», выставленный на звонки моей ненаглядной красавишны.

– Марина Львовна, радость наша, – сказал я в трубку, – ты в курсе, что у тебя не муж, а сокровище?.. Трезвое... в смысле – трезвый! Точно трезвый, работаю, пью чай. А Петрович приехал?.. На черта нам газонокосилка? У тебя же есть прекрасный серп!.. Львовна, прекрати!.. Нет, не починил. Я не слесарь, блин! Будешь наезжать, я и газонокосилку не куплю. Не хочу я газонокосить, я хочу водку пить с Петровичем... Ну куда ты попрешься в такую хмарь? Сиди уж там... Не надоела... Соскучился, соскучился. Постараюсь выбить отпуск. В любом случае в следующую субботу приеду к тебе с Каткой... Кто кого еще обижает!.. Люблю... Тоже целую.

Я дал отбой и постарался привести мысли в порядок. Так, сигарет осталось всего ничего (да и коньяк кончается). Если я не хочу всю ночь работать всухомятку, до десяти нужно успеть сбегать в магазин. Этим и займусь в первую очередь...

И тут мою светлую голову осенила еще одна гениальная идея. Интересно было бы попробовать это «Благословение седьмого неба». Я оценил деструктивную способность заклинания. Ноль. Оно просто повышало характеристики субъекта, на который применялось. Понятно, я и без него

умен, красив, силен, ловок и страшно вынослив. Но ведь нет пределов совершенству! Отличное заклинание, только не совсем понятно, как показывать дланью на самого себя. Впрочем, я быстро сообразил обнять себя за плечи и несколько раз глубоко вздохнул, собираясь с духом. Направлять колдовство на себя было все-таки боязно. Ладно, где наша не пропадала!

– Лиро элоне куара, – сказал я (путь в небеса, жизнь), прислушиваясь к своим ощущениям. Ощущения были приятные, но обычные, – по-моему, просто «чай» сказывался. И я продолжил: – Лиро элоне сам-сара (путь в небеса, вселенная) – лира элоне эмбара (путь в небеса, могущество) – лиро алироменара (путь в потустороннее)!

Первые несколько секунд ничего не происходило, потом свет стал меркнуть. Он угасал постепенно, но быстро, как бывает в кинотеатрах. Запахло болотом. Я попытался выскочить из кресла, но не выскочил, непреодолимая сила вжала меня обратно. Мне показалось, что кресло проваливается вниз, под землю; заслоняя все, вокруг закружились крупные белые хлопья; на меня дохнуло холодом. Я изо всех сил вцепился в подлокотники и зажмурился...

Падение кончилось так же внезапно, как и началось. Я сглотнул, избавляясь от комка в горле, и осторожно открыл глаза.

Черное озеро, тускло отливающее металлом. Черная трава. Скрученные деревья, лишенные листьев. Я сидел в своем

вращающемся кресле посреди этого нелепого пейзажа и пытался прийти в себя. Южная Африка? Мезозой? Другое измерение? Мое внимание привлёк бородатый толстяк, стоявший шагах в пяти от меня и с любопытством меня рассматривающий. Больше вокруг никого не было. Я попытался заговорить с ним на известных мне языках. Потом – на малоизвестных. Потом я напрягся и вспомнил кое-какие слова из вовсе неизвестных...

Толстяк, одетый в стильную кожаную жилетку, кожаные штаны и высокие кожаные же сапоги, вышедшие из моды лет двести назад, благожелательно меня слушал. На жирном плече у него синела татуировка – пацифик, только вместо палочек почему-то были рисовальные кисти.

Я исьсяк.

Толстяк почесал потное волосатое брюхо, торчащее из-под жилетки, улыбнулся и без всякого акцента добродушно сказал:

– Рад приветствовать на Небе!

– При... Где приветствовать? А... ну, в смысле... логично, конечно, да... Блин! На седьмом небе, что ли?!

– Увы, – толстяк засмеялся, – у нас только одно Небо, и оно, к сожалению, отнюдь не седьмое... Давай-ка я сотворю тебе бутылочку пива, дружище, поможет прийти в себя.

Глава 2

Бьорн Толстый. У дракона четыре ноги

Был, как обычно, прекрасный летний вечер. Народу собралось изрядно, но мое место за столиком в самом уютном углу занять никто не осмелился. Я с благодарностью помахал рукой Красноносому Джему, монументально развалившемуся за стойкой, и полюбовался свирепой гримасой, которой он одарил меня в ответ и которая заменяла трактирщику приветливую улыбку.

Полгода назад, когда я впервые оказался в этих краях, Джем отнесся ко мне, мягко говоря, настороженно. Этот талантливейший из богов чревоугодия прославился своим скверным характером, подчас толкавшим его на самые дикие выходки. Поваром он был непревзойденным, за что ему многое прощалось, тем не менее из своих без малого трехсот лет жизни восемьдесят он провел в Черных Ямах. Такой долгий срок объяснялся еще и тем, что на Небеса из Черных Ям демоны возвращали трактирщика крайне неохотно. Оно понятно: демоны тоже не дураки вкусно покушать. Говорили даже, что они предлагали Красноносому остаться насовсем и сулили какие-то немыслимые блага, но тот отказался наотрез. Демоны слишком раздражали Джема. Они, конечно,

всех раздражали, никаких нервов не напасешься...

Поначалу мне казалось, что угрюмый трактирщик почему-то особо невзлюбил именно меня. Посещая его заведение, я всякий раз опасался получить от хозяина нож между лопаток или порцию яда в супе. Я пытался объясниться с Джемом, но он мрачно отмалчивался, а я упрямо продолжал харчеваться именно у него. Со временем Джем завел странную привычку – при моем появлении он раздвигал стаканы и выкладывал на стойку свою знаменитую дубинку. Остальные завсегдатаи отметили этот признак как зловещий и доброжелательно посоветовали мне, пока есть время, приглядеть на кладбище местечко по вкусу.

Однажды трактирщик сам позвал меня в заднюю комнату, выставил боценок рома и, вертя в руках устрашающего вида молоток, поделился мыслью, что харчевен на небе развелось гораздо больше необходимого. Ром был скверным. Пересотворив его, я клятвенно пообещал своей забегаловки не открывать. Красноносый перестал видеть во мне конкурента, а когда я предложил снабжать заведение Джема выпивкой моего изготовления, настороженность его сразу сменилась радушием. Оказалось, что он неплохо разбирается в живописи урбанистов-природников позапрошлого столетия, собирает их, и даже сам пытается в свободное время писать. Расчувствовавшись, он показал мне несколько собственноручно намалеванных акварелек и портрет лошади. Я дорисовал несчастному животному уши и недостающую ногу, чем

окончательно расположил к себе эстетствующего громилу.

Мы подружились. В заведении Джема появился столик, на который мало кто решался посягать, опасаясь навлечь гнев хозяина. То был мой столик!

Много шума наделала история с Верховным, который, сдуру, уселся за него, а когда Красноносый отказался его обслуживать, учинил непристойный скандал, пообещав окончательно сгноить Джема в Черных Ямах. С тех пор ни Верховный, ни многочисленная свита его подхалимов и прихлебателей сюда не заглядывали. Понятно, что после этого у обычных богов трактир Джема стал пользоваться еще большей популярностью.

Избежать репрессий со стороны разгневанного начальства непокорному трактирщику удалось благодаря моему художественному таланту. Всю ночь после прискорбного инцидента я проработал над верноподданническим эпическим полотном под названием «Верховный, гордо и в одиночестве побеждающий Рогатого Брея с Ногами». Во всю стену. Ворвавшийся на следующее утро в трактир с целью арестовать проштрафившегося Джема бог порядка Россум остолбенело постоял перед нетленным произведением искусства, развернулся и удалился для получения дальнейших инструкций. С тех пор его здесь тоже не видели.

– Эй, есть кто живой?! – крикнул я в сторону стойки. – Три минуты жду! Дадут мне сегодня поужинать в этом заведении или прикажете поискать другое?

За стойкой нарисовался Красноносый, взмахнул рукой, и передо мной по волшебству возникли дымящаяся тарелка с фаршированными носами ушура в собственном соку и запотевшая кружка пива. Отхлебнув, я напрягся и попытался изобразить на физиономии восторг.

Стала понятна причина задержки – трактирщик снова решил посоревноваться со мной... ибо это пиво делал не я. Это было вообще не пиво. Это была какая-то выдохшаяся кислота, ничего общего с моим любимым напитком не имеющая. Подобное мне некогда доводилось пить в портовых притонах Амахка... и я, выходит, зря надеялся, что тогдашние мучения мои навсегда остались в прошлом. Все спиртное для винного погреба Красноносого давно творится только мной, однако Джем уверен, что справляется ничуть не хуже. Я – последняя жертва, соглашающаяся пробовать напитки его изготовления, остальные боги более щепетильны. По понятным причинам: мне, в отличие от них, нетрудно превратить его гадость во что-то куда более пристойное.

А вот носы удались выше всяких похвал! Сочные, острые и вместе с тем нежные, они буквально таяли во рту, оставляя восхитительное послевкусие. Отодвинув кружку в сторону, я с энтузиазмом навис над тарелкой, стараясь не очень чавкать, но тут ко мне подсел бог плодородия Гарик с кувшином вина и двумя бокалами. Наполнив бокалы, Гарик застенчиво посмотрел на меня. Палочки пришлось отложить. Мы чокнулись.

– Будем толстенными! – сказал Гарик.

– Тсс! Прошу не так громко. Считается, что я хую...

Бог плодородия смущенно заулыбался. Улыбка очень красива его губастую, иссиня-черную физиономию.

– Погода нынче хороша, – сообщил он. – Теплынь-то кака!

– Она всегда хороша, – засмеялся я, – все лето, лето и опять лето! Как вам не надоест?

– Великий Один учит, что зима есть умирание и люта я погибель, а посему время года для бессмертных богов позорное и несоответствующее... Против Одного не попрешь. Да и мерзну я зимой, если честно. Как дела, Бьорн?

– Обычные дела. Намедни гильдия вынесла мне третье общественное порицание, но я обещал исправиться.

– Исправься, Бьорн. – Гарик, пряча взгляд, подлил мне вина. – Если можешь, исправься, пожалуйста. А то в следующий раз будет штраф. У тебя есть деньги, чтобы заплатить штраф?

– У Елены возьму, вообще не проблема.

– Допустим. Но потом они организуют тебе отдых в Черных Ямах, потом... эх... В общем, ты бы лучше притих на время. Пусть успокоятся.

Я иронически посмотрел на него, допил вино, налил себе еще и подлил богу плодородия. Хороший, конечно, Гарик бог, порядочный и добрый, воспитание прекрасное, сейчас таких и среди людей редко встретишь, – только уж слишком

покладистый. Тихий чересчур, послушный...

– Бьорн, ты не прав. В чужой монастырь со своим уставом не лезут...

– С каким еще уставом? – развеселился я. – Нет у меня никакого устава. Не дожидетесь! Это боссы твои от меня вечно требуют странного, а не я от них.

– Не забывай, что они теперь и твои боссы, и они имеют полное право...

– А-а, пусть катятся! Чувырлы уродские. У меня разговор короткий: не хочу – не буду! И точка.

– Зря. Много способов бога поприжать имеется, ты этого пока и представить не можешь... Станет, в итоге, все равно по-ихнему.

– По-ихнему – не станет! – Разговор начал мне надоедать. – Не переживай ты так, дружище. Я не маленький, чай, понимаю, что делаю. Подумаешь – неприятности с начальством! Да у меня всю жизнь такие неприятности. С младенчества.

– Как знаешь. Тут еще одно. Собственно, об этом я и собирался с тобой... – Гарик огляделся, придвинулся ко мне вплотную и зашептал: – Нечаянно разговор один слышал. Галп побился об заклад с Учителем, что между тобой и Росوماхой будет поединок. Из-за Елены.

– Поединки же запрещены?

– Строжайше!

– Ну вот и отлично. Законопатят Росوماху в Ямы годиков

на дцать. Без него на небе куда уютнее будет.

– Галп не проигрывает пари!

– Теперь проиграет, – пообещал я, прикидывая, зачем это дурацкое пари с никогда не проигрывающим Галпом могло понадобиться Учителю.

Тоже хочет от меня избавиться? Странно, я почему-то думал, что старый зануда неплохо ко мне относится.

– Не проиграет. И сделают так, что ты сам виноват окажешься... Бежать тебе надо, Бьорн, вот что... На Землю бежать. Затаишься, вряд ли тебя искать будут. А как устроишься – Елену к себе заберешь...

– Так и пойдет она на Землю.

– Если любит – пойдет, – уверенно сказал идеалист Гарик.

– А-а, – махнул я рукой. – Сыграй лучше!

Гарик вздохнул, достал флейту и заиграл. Шум затих. Боги слушали.

Впрочем, наслаждаться музыкой нам пришлось недолго. Буквально через минуту в трактир с грохотом вломились военные, все пятеро, во главе с самым шумным и самым глупым из них Ларсом Отважным по прозвищу Росомах. Боги войны были в доспехах и при оружии – похоже, болваны опять устраивали свой милитаристский турнир – и выглядели в мирном трактире крайне нелепо. Обступив стойку, они молодецки засадили по стаканчику джина. Пить они не умели, и в скором времени можно было ожидать дебоша. Натянутые отношения с Росомахой позволяли предположить, что

именно на меня выплеснутся излишки агрессивности бра-
вых вояк.

Действительно, хлопнув пустым стаканом по стойке, Росомаха оглядел трактир и направился к нам.

– Не поддавайся на провокации, – шепнул Гарик, – он ищет ссоры.

– Добрый вечер, – красивым баритоном поприветствовал нас бог войны, подсаживаясь.

– Тебя никто не приглашал, – сухо сказал Гарик.

– О, если вы настаиваете, я удалюсь, – пророкотал Росомаха, предпочитающий поддерживать мирные отношения с богом плодородия, ибо никому не хочется раньше времени стать неплодородным. – Однако я хотел бы надеяться... – Тут он опустил глаза на стол, увидел стоящую перед собой кружку и просиял: – Благодарю, Бьорн, благодарю! Физические упражнения вызывают такую жажду!

Росомаха схватил кружку, отсалютовал ею и попытался сделать добрый глоток. После чего побледнел, поперхнулся и выплюнул жидкость на пол.

– Какая гадость, – просипел он. – Тебе, Бьорн, это даром не пройдет!

– Сей напиток, – проворчал я, – любезно изготовил для меня наш достойный трактирщик. Лично.

– Чтобы доставить Бьорну удовольствие, – несколько неуверенно поддержал меня Гарик.

– Вот именно, – отрезал я. – И тебе, Росомаха, я его не

предлагал.

– Меня зовут Ларс! – гаркнул бог войны на весь трактир. – Тогда почему это пойло оказалось передо мной?

– Случайно, – признался я. – Просто я отодвинул кружку подальше. Согласись, не стану же я такое пить.

– Врешь, толстяк! – И Росомаха выплеснул остатки жидкости мне в физиономию.

Некоторое время я просто сидел, пытаюсь сдержать себя и с интересом прислушиваясь к шуму крови в висках. В трактире стало удивительно тихо, только слева что-то возмущенно говорил Гарик, дергая меня за руку. По лицу стекала кислая дрянь, звонко капая с бороды на пол. Я посмотрел на Росомаху. Бог войны достал маленькую пилочку и увлеченно полировал ногти...

Внезапно вскочив, я ловко опрокинул на Росомаху стол. По крайней мере, я попытался сделать это ловко и внезапно. Росомаха подался чуть в сторону, и стол упал, погребя под обломками бедного Гарика. Бог войны неторопливо размахнулся и залепил мне смачную оплеуху. Я не удержался на ногах, но сразу вскочил и бросился на обидчика.

По-моему, он до меня даже и не дотронулся. Просто по какой-то необъяснимой причине, вместо того чтобы смести мерзавца и всей массой своего не слишком худого тела размазать по стене, я обежал вокруг него, все чаще семеня ногами и ускоряя движение, и врезался совсем не в ту стену, в какую планировал. От удара стена содрогнулась. Я упал и

снова поднялся, хотя и не так быстро.

Росомаха продолжал чистить ногти. Скоро, надо полагать, начнет ковыряться в носу... Я бросился в атаку. Минут пять я летал по всему трактиру, ломая мебель и вызывая одобрителный смех у присутствующих богов войны. Потом мне, не без помощи Росомахи, удалось выбить головой дверь и выкатиться на свежий воздух.

Ко мне вышли Гарик и Красноносый. Общими усилиями нам удалось переместить мое тело с земли на скамейку за трактиром. Красноносый повздыхал о поломанной мебели, потрепал меня по плечу и ушел наводить порядок в разгромленном помещении. Гарик остался сидеть рядом, одной рукой творя надо мной лечебные пассы, а другой прикладывая чем-то смоченный платок к своему подбитому глазу.

Скоро мне стало настолько лучше, что я нашел силы спросить:

– А тебя-то за что?

– Тебе виднее, – сказал Гарик. – Это столом.

– Ага, – сказал я. – О как... Извини.

Я осторожно ощупал голову. Голова была цела.

– Давай я волосы на твоей плечи выращу, – предложил Гарик.

– Далась вам моя плешь, – проворчал я, – оставьте мою плешь в покое.

– Да мне-то все равно, меня Елена просила.

– Меня тоже просила. Перебьется.

Мы посидели молча. Было еще совсем светло, но на небо уже выползла бледная круглая луна. Начался предзакатный ветер, и в темнеющем перед нами лесу зашевелились сумрачные тени. В заведении Красноносого зажглись светильники. Светильников со скамейки видно не было, но их мягкие блики играли на синих окнах трактира. Ранняя ночная бабочка бестолково билась в стекло рядом с распахнутой форточкой. Гарик спрятал платок, достал флейту, но играть не стал.

– Что будешь делать? – спросил он.

– Не знаю. То же, что и раньше. Что тут можно сделать?

– Ага, и будет то же, что и сейчас, – хмыкнул Гарик. – Не навоевался еще?

– Никогда не был силен в кулачных разборках!

– А в магических – силен?

– Не знаю, – признался я, – не пробовал.

– Ты меня извини, конечно, но все это детский лепет, – вздохнул Гарик. – Если ты пошлешь Росомахе вызов, то Верховный законопатит тебя в Ямы – он давно ищет повод. Победить же в поединке с богом войны у тебя нет ни одного шанса.

– Это мы еще поглядим...

– Хочешь помочь Галпу выиграть пари?

– Чихал я и на него, и на его пари.

– Хорошо, допустим, будет поединок и ты одолеешь. Тогда тебе придется Ларса убить. Ты умеешь убивать?

– Зачем сразу убивать? – возразил я. – Уж как-нибудь без этого обойдусь. Всю жизнь обходился и начинать не намерен. Выкручусь как-нибудь.

– Закон Одного, – терпеливо сказал Гарик. – В случае божественного поединка выживает только...

– Да знаю, знаю! – перебил я раздраженно.

– И все, посмевающиеся вмешаться в ход поединка, обречены на гибель, равно как и один из поединщиков, – упрямо закончил Гарик. – А если знаешь, так и не говори глупостей! Раньше для тебя законы мироздания другими были!

– Я другого не знаю. Кто он такой, этот Один, чтобы мне свои измышления навязывать?

– Отец богов, – веско сказал Гарик. – И не измышления это, а закон. И этот закон работает. Всегда. Думаешь, ты тут один такой белый и пушистый? И попушистее были, а ничего, как миленькие на поединках убивали! А если не своими руками, так приключалась досадная случайность с летальным исходом...

– Я тоже бог, – напомнил я. – И жить намерен по собственным законам. Так что посоветуй своему Одному...

– Ну, пока ты еще не совсем бог, – поспешно сказал Гарик, оглядываясь с опаской, и переоднился. – Я имею в виду, официально...

– Не в бумажке дело, – сказал я.

– Не в бумажке, – согласился Гарик. – Но бумажка сильно упрощает жизнь.

– Это точно, – проворчал я. – Например, вернуться на Землю, как ты советуешь, я не смогу, даже если захочу.

– Демон меня усынови, – выругался Гарик, – все время забываю, что ты новичок!

– Ну, не все время, – утешил я. – Когда не надо, ты об этом не переставая талдычишь.

Гарик виновато улыбнулся.

– А ты научил бы меня, – сказал я с напускным равнодушием.

– Ты же знаешь порядок, – вздохнул Гарик. – Путешествовать между мирами учат только после обряда посвящения. Да и то, если комиссия сочтет нужным...

– Я вообще не уверен, что меня в боги посвятят, – сказал я. – Диплом уже месяц как готов.

– Если сразу не посвятили, то теперь-то – тем более... У тебя сколько порицаний за этот месяц?

– Три общегильдийских. Я же говорил. И одно лично от Верховного, с занесением куда-то там.

– На скрижали истории, – сказал Гарик. – Нет, Бьорн, не проси, я клятву давал. Ты вот что... Попробуй через ворота уйти.

– Здравствуйте, – усмехнулся я, – так их же дракон охраняет! Он же меня сожрет и не заметит!

– Может, с драконом ты и договоришься. – Гарик опустил глаза.

– Куда там... Я даже с богами договориться не могу.

– Не со всеми же, – обиделся Гарик. – Ну и потом, не можешь договориться с богами, попробуй договориться с драконами. Старая истина.

– Какие они хоть, драконы эти? А то я про них не знаю ничего толком, одни легенды земные...

– Драконы – разные. От нынешнего, говорят, воняет непереносимо... Вот приходи завтра на сбор ополчения, – оживился Гарик, – я попрошу Учителя лекцию про драконов прочитать.

– Нет уж, – улыбнулся я, – туда ты меня не заманишь, хитрюга.

– Ну, тогда сам узнавай! – рассердился Гарик.

Я пожал плечами – сам так сам, библиотека на Небесах роскошнейшая.

– Вот, держи, – буркнул, смягчаясь, Гарик, снял с шеи амулет, корень священного растения Ишгаш, и протянул мне. – Если вдруг окажешься на Земле и надумаешь вернуться – просто съешь это, и снова будешь на Небесах. Но только обещай мне одну вещь.

– Какую? – Я не торопился брать предложенный амулет. – Я привык свои обещания выполнять.

– Если тебе предложат самому стать драконом, – Гарик строго взглянул мне в глаза, – откажись!

– В каком смысле? – опешил я.

– В прямом. Драконами, знаешь ли, редко рождаются. Драконами становятся... Дракониха-то всего одна, не справ-

ляется.

– Спасибо, – сказал я, беря корень и просовывая голову в цепочку амулета. – Уши мешают. Драконом становиться не собираюсь, но обещать ничего не буду.

– Скотина, – беззлобно сказал Гарик.

– Какой есть... Ладно, мне пора.

– Тебя проводить?

– Уж как-нибудь сам провожусь. – Я пожал Гарику руку и направился в сторону леса. – Где-то здесь тропинка должна быть...

– Завтра увидимся! – крикнул мне вслед оставшийся сидеть на скамейке Гарик.

Не оборачиваясь, я помахал рукой и продолжил шагать, прокручивая в уме последние неприятности. Мокрая от Джемова эля жилетка неприятно липла к животу; болел ушибленный бок, гудела голова, и меня до сих пор трясло от переизбытка адреналина. Когда я дрался последний раз? То ли в пятом, то ли в шестом классе. Лет тридцать назад...

Я вошел в сумрак леса. Тропинка была качественная, обросшая тропиночным мхом, и удобно пружинила под ногами. Вокруг раскинулся чудесный сказочный лес. Он часто примирял с мыслью, что теперь мне придется жить на Небесах, поскольку чудесного на них было полно, а вот сказочного – только этот великий лес. Правда, иногда сказочной бывала и Ленка, но реже, чем хотелось бы.

Эх, да кабы не Елена, я бы придумал, как отсюда смыться!

При мысли о богине любви я несколько повеселел, хотя с ней последнее время тоже были проблемы. Уже два раза я уходил от нее – но оба раза она меня возвращала. Первая женщина, сопротивляться выходкам и капризам которой у меня как-то слабо получалось...

Совести местным богам не хватает, вот что!

К любимой, конечно, это не относится, равно как и к Гарику, и к иже с ними. Даже ко всяким там Росомахам не относится. Росомаха – что? Просто болван, ревнующий меня к Елене, к тому же болван с какими-то дикими понятиями о чести. Из тех, что убивают соперника в надежде, что женщина перейдет во владение победителя, в качестве приза за доблесть, как бывает у некоторых зверюшек.

А вот Верховный и его приближенные – это уже нечто невообразимое. Оно конечно, власть портит, и собака на собачьей должности, но не настолько же... Говорят, новичкам всегда тяжело. Говорят, опять-таки, что через век-другой все утрясется. Но я здесь меньше года, а обрыдли мне Небеса уже по горло... Жил себе спокойно, горя не знал, так ведь нет – угораздило богом стать. Врожденная предрасположенность, по словам Верховного, будь он неладен. Эх, мама, мама!

Хотя чьим-чьим, а вот словам Верховного я верить не обязан. Потому что он все время врет, работа у него такая... А я ведь ему тоже сразу не понравился, с первой же встречи...
...Последний мой день на Земле начинался омерзитель-

но. С вечера я сильно перебрал, по причине того, что губернатор острова приказал сжечь две мои последние и, может быть, лучшие картины. В отожравшемся до размеров крупного борова шакале на переднем плане он, видите ли, опознал себя. Губернатор даже приказал меня арестовать, хотя я и кричал, что это вполне абстрактная шакалосвинья. Не надо было пририсовывать монокль и котелок, и так бы все поняли.

К счастью, был карнавал, и праздничная толпа, состоящая в основном из поклонников художественных талантов и прочих бездельников, в обиду меня не дала. Отобрав у посланных милиционеров оружие, народ повалил к дому губернатора. Дом этот нравился людям меньше уничтоженных картин, кто-то уже побежал за факелами, но тут губернатор, спасая собственную шкуру, объявил с балкона мне помилование, после чего пообещал уйти в отставку. Потом мы – я и ликующие поклонники – это дело отмечали, хотя и знали цену обещаниям шаколосвиньи. Потом – я не помню. Проснулся у себя в художке, один, правда, на подушке валялась загадочная черная шпилька.

Похмелье – всегда похмелье, и, поскольку ничего другого под рукой у меня не было, а жажда мучила как никогда, я заливал свой огонь водой. Вода очень мирно соседствовала внутри меня с огнем, неприятно давила на желудок, перекатывалась при каждом движении, булькала и, вместо того чтобы помочь, доставляла новые муки. Пива же хотелось

так, что за несколько глотков его я готов был продать душу – однако покупателей что-то не находилось.

Денег, как обычно, не было ни копейки... Бутыль водки, припасенная для таких вот экстренных утренних обстоятельств, оказалась пуста. К поклонникам обращаться не хотелось. Настроение было ни к черту, я в таком виде с поклонниками не общаюсь. Какого демона, в самом деле, они спасали меня, а не картины? Меня-то никто жечь не собирался!

Выбора не было, я подсаживал и пил гадкую теплую воду. Но почему бы не представить – воображение у меня всегда было чересчур развито, – что я пью все-таки пиво?

Я торжественно наполнил свою любимую кружку, закрыл глаза и заставил себя почувствовать вожака вкус – горьковатый, чуть терпкий, сытный вкус ледяного пива. Глотнул и понял, что пью и в самом деле отнюдь не воду. Мысленно пожелав счастливого пути уехавшей крыше, я осушил кружку до дна и снова наполнил до краев, зачерпнув из бочки с дождевой водой.

Еще раз проделал в воображении ту же операцию, и снова вода превратилась в пиво. Зажмурившись от блаженства, я начал смаковать маленькими глотками... Когда была начата третья кружка, я уже чувствовал себя отлично. Оказывается, сойти с нарезки иногда бывает приятно. Честно говоря, я совсем не встревожился, когда моя тесная художка неожиданно преобразилась в сверкающий золотом дворцовый зал. Было уже как-то все равно.

Где-то сбоку пиликала тихая скрипка, вкусно пахло свежеиспеченным хлебом, а прямо передо мной сидел на троне старик, задрапированный в белую хламиду, и, не мигая, меня разглядывал. Старик обладал роскошными мохнатыми бровями и скуластым лицом аскета. На редкость почтенный старик, хотя и было в его лице что-то неприятное. Я даже почувствовал некоторое несвойственное мне стеснение по поводу своей заплатанной ночной рубахи и босых ног...

– Хотите пива? – прервал молчание я, протягивая ему кружку и гадая, исчезнет он или нет при звуках моего голоса.

Старик исчезнуть не пожелал, а, наоборот, заговорил, очень низким, глубоким голосом.

– Я не пью пиво, да и тебе советую употреблять его в меньших количествах, – брезгливо сказал он.

– Спасибо за оригинальный совет, – не без сарказма поблагодарил я. – Скажите, вам когда-нибудь случалось сойти с ума?

Старик скорчил недовольную гримасу, из которой я уяснил, что не случалось. Выразительная мимика... Я наконец понял, что не понравилось мне в его лице. Начальственная тупая надменность, которая обычно все ярче проявляется по мере восхождения по служебной лестнице. Галлюциногенный старик, похоже, взошел высоко, куда там нашему губернатору...

– Зря. – Я отхлебнул. – Во всем есть свои приятные стороны.

– Ты хоть знаешь, кто ты такой есть? – раздраженно спросил начальственный старик.

Я решил, что придется, к сожалению, действительно завязывать, а то уже собственные видения перестали узнавать.

– Понятно, знаю. Бьорн Нидкурляндский, художник, – представился я. – Да меня все знают!

– Ты – бог.

– О, спасибо... – смутился было я, досадуя, что позволил себе так нехорошо думать о порядочной галлюцинации, но тут мерзкий старикашка все испортил, безапелляционно заявив:

– Я имею в виду вовсе не твою бездарную мазню!

– В таком случае – от бога слышу!

– Логично. Ты говоришь с богом. С Верховным богом.

– Очень рад. – Я снова приложился к кружке и в три хороших глотка допил пиво, чтобы немного успокоить нервы. Не помогло. Сдерживаясь, я спросил: – И как прикажете называть вас?

– Как тебе будет угодно, – с прежней брезгливой гримасой сказал старик. Ему мое поведение тоже не слишком нравилось. – Но обычно меня называют Верховным.

– Мне будет угодно воспользоваться вашим предложением, – сказал я. Оказывается, мои картины – мазня! Причем бездарная... И, кстати, чего я этому козлу выкаю?

– Буду называть тебя Белой Горячкой, лады?

– Ты будешь называть меня Верховным! – заорал старик,

вскакивая с трона и топая ногами.

В руках его, откуда ни возмись, появилась здоровенная клюка. Очень симпатичная клюка, черного дерева, с хитрой резьбой и набалдашником из огромного красного камня. Похоже, вспыльчивый старик примеривался, как бы половчее треснуть этой клюкой меня по голове. Зря он. Я ведь тоже не с пустыми руками.

– Кружка, – примирительно сказал я, показывая свою литровую кружку, – вот грозное оружие Бьорна! Так и быть, буду называть тебя Верховным.

– Разве мы перешли на ты, толстяк?! – прорычал старик.

– С первых твоих слов, – подтвердил я. – Да ты садись, а то в ногах правды нет. В столь почтенном возрасте вредно так волноваться. Лучше скажи, где это мы?

Старик неблагоприятно молчал, рассматривая меня. Молчал, как умеют молчать только большие шишки, от решения которых, по их мнению, зависит судьба бедолаг нижестоящих – дабы нижестоящие помучились в ожидании судьбоносного решения.

– На меня эта молчанка не действует, – сообщил я. – Язык проглотил?

– Ты на Небе, разумеется, – буркнул старик.

– В раю, что ли? – не понял я.

– В какой-то степени, – ухмыльнулся старик. – Рая, в твоём понимании, не существует.

– Да нет у меня никакого понимания рая, – возразил я. –

Еще чего не хватало! А где Один тогда?

– В раю. Так то – Один... Ох уж мне эти боги виноделия, – успокаиваясь, устало посетовал старик, усаживаясь обратно на трон. – Вечно возносятся в непотребном виде и начинают пьяно хамить!

– Ну, кто тут хамит, еще большой вопрос, – не согласился я.

– Помолчи! – приказным тоном потребовал старик. – И запомни! Первое: ты сын Одного, бог. Второе: разговаривать я с тобой буду после того, как проспешься, пьяная рожа! Третье: жить ты отныне будешь здесь...

– Ага, – вмешался я. – Значится, так! Первым делом твое дурацкое кресло выкинем и поставим мне диван...

– Я имел в виду – на Небе! – яростно крикнул старик. – Елена!

– А вот этого ты не ви... – Повернувшись к старику спиной, начал было показывать я «это», но тут увидел вошедшую в зал Елену и одернул рубаху. – На небе так на небе, уговорил, речистый.

– Елена, это новый бог виноделия. Отведешь его к Учителю, покажешь все. И посели его куда-нибудь... куда-нибудь подальше от меня!

– И поближе к себе! – с восторгом поддержал я Верховного...

...Все еще переживая в воспоминаниях то злосчастное

утро, я вышел к поляне, на которой располагался дом Елены, — необходимости завести постоянное собственное жилище у меня пока не возникало. Ленка стояла на крыльце. По обыкновению, она была не одна.

На этот раз вокруг нее со старомодной галантностью увивался Учитель. Он что-то страстно шептал, схватив Ленку за руку и пытаясь заглянуть в ее глаза. Ленка краснела, отводила глаза в сторону и мягко пыталась ручку освободить — короче, была очень довольна. Моего появления они не заметили.

Настроение окончательно испортилось. Я развернулся и незамеченным пошел прочь, размышляя, чем отличается богиня любви от одноименной жрицы. Получалось, что ничем... Терзаемый ревностью, я был, конечно, несправедлив. Подобно многим земным женщинам, Елена считала личным оскорблением, если какой-нибудь представитель противоположного пола оставался равнодушен к ее чарам. Богине не пристало безропотно сносить оскорбления! И Елена старалась изо всех сил...

Я решил больше не думать о ней. Просто выкинуть из мыслей. В конце концов, я бог или демон дрожащий? И что, я себе других баб, что ли, не найду?!

На Землю! На Землю, и гори оно все синим пламенем!

Приняв решение, я отправился к шалашу. Он был в ближайшей роще, под стволами двух причудливо сросшихся дубов. Я обустроил шалаш, когда Елена, после очередного

скандала, впервые не пустила меня ночевать. Там у меня было все необходимое: одеяла, подушка, свечи, пара учебников по божеству, этюдник и краски, еще кое-какие полезные мелочи. Именно там я готовился к сдаче диплома, дабы не отвлекаться на Ленку. Там же я хранил и свою дипломную работу – неиссякаемую пивную флягу. В шалаше было уютно, ночи на Небе стояли теплые, а дождя я за последний год не видел ни разу.

У одеяла, занавешивающего вход в шалаш, опираясь на щегольскую трость, стоял глава гильдии искусств Ротай Галп. Как всегда, одет он был так, как, по его мнению, должен одеваться художник. Грубая кофта крупной вязки из дорогущей шерсти морского барана, бархатный берет с павлиньим пером, шелковая рубаша и свободные шелковые бриджи, козы башмаки. На кофте красовалась скромная наградная ленточка – Галп был героем войны с магами, в решающий момент исхитрившимся тяпнуть Густелиуса за пятку. По его словам, этот укус предводителя магов явился переломным моментом в битве. Кое-кто смеялся, но я Галпу верил – на редкость ядовитый тип...

Галп задумчиво смотрел в сторону и делал вид, что не замечает меня. Одно то, что, не обладая никакими особыми талантами, он стал главой гильдии, говорило о многом. Джем рассказывал мне о некоторых эпизодах карьеры Галпа, а Елена по его поводу однажды обронила лаконичную фразу: самая богатая и самая опасная мразь на Небе...

– Вы бы хоть краской измазались, – посоветовал я, – если уж так хотите на художника походить.

– А, Бьорн! – наигранно обрадовался Галп, прикидываясь, что не слышал моих слов. – Добрый вечер.

– Да уж, – сказал я, – добрее некуда! Между прочим, здесь я живу, а не вы. Дайте пройти.

– Я в курсе, – кивнул Галп, продолжая загораживать вход, – я и ждал именно вас. Мне необходимо переговорить по важному делу.

– Важному для кого?

– Для меня, – улыбнулся Галп, – но, надеюсь, и для вас.

– Не будет у нас никаких дел, – сказал я. – Кто вчера на заседании орал, что такие, как я, позорят славную гильдию? И что меня давно пора гнать в шею?

– Это была моя обязанность, – сказал Галп. – Долг. Служба в гильдии имеет свои неприятные стороны. Я подчинен Верховному и должен проводить его политику... Поверьте, Бьорн Нидкурляндский, я глубоко чту ваш талант и сожалею о случившемся.

– Вчера вы почему-то о таланте не вспомнили, – пробурчал я. – Ладно, выкладывайте, чего надо.

– Я бы хотел купить вашу дипломную флягу.

– Не продается, – отрезал я.

– Восемь тысяч золотых!

– Однако, – засмеялся я, – вы, я вижу, не бедствуете. Тем не менее фляга не продается.

– Я и не ожидал, что вы согласитесь сразу, – улыбнулся Галп. – Десять тысяч.

– Галп, а ведь вы, наверное, в этой кофте сильно потее-те? – с сочувствием спросил я. – При местной-то погоде...

– Я никогда не потею, – продолжая улыбаться, сказал Галп. – И потом, я только что с Земли.

– Ну и как там, на Земле?

– Там прохладно, – сказал Галп. – Послушайте, Бьорн, вы только не подумайте, что я лезу не в свое дело, но последние слухи... А также известные мне по долгу службы события, связанные с вами... Все это позволяет предположить, что вы не прочь вернуться назад.

– Вранье, – соврал я.

– Что ж, я не настаиваю. Просто подумайте над моим предложением. Двенадцать тысяч золотом, и, если у вас возникнет такое желание, я рискну доставить вас на Землю. Всего доброго. – Галп приподнял берет и пошел в сторону Ленкиного дома.

– Минуту, – окликнул его я, – что там с моими работами? Я хотел бы их забрать.

– О, это никак невозможно, – прижав руки к сердцу, при-торным тоном сказал Галп. – Вероятно, в силу занятости вы запаматовали, что вчера был последний день уплаты член-ских взносов. Поскольку вы не заплатили, работы переходят в собственность гильдии. Поскольку за вас заплатил я, кар-тины теперь мне и принадлежат.

– Но ведь это гроши, – возмутился я, – и потом, я действительно запамятовал, и ваша обязанность была напомнить о взносе! Я хочу выкупить «Кающуюся грешницу».

– Приношу свои извинения за некоторую небрежность в выполнении служебных обязанностей, – поклонился мне Галп. – Вы можете поднять вопрос об этом на ближайшем собрании гильдии, и я извинюсь еще раз. Что же касается моей картины – я подчеркиваю, моей! – то она, еще тысячу тысяч раз простите, не продается. Я имею в виду, не продается за деньги. Так что все в ваших руках, Бьорн.

– Интересно, что скажет Верховный, – задумчиво сказал я, – о вашем предложении продать дипломную работу и доставить меня на Землю...

И тут Галп захохотал. Он хохотал не прикидываясь, повизгивая, из узких глаз его катились слезы, он притопывал, хлопал себя по шелковым ляжкам и с трудом удерживался на ногах.

– Ха-ха-ха, – сказал я. – Очень смешно!

– Ох, мальчик, – вытирая слезы расшитым подолом рубахи, промычал Гали, – ох, хорошо-то как... Давно меня так не разбирало... Хотите пари – на сто тысяч золотых, которых у вас нет и никогда не будет, – что вы не донесете на меня или на любого другого Верховному?

– Да какое там пари, – проворчал я. – Все правильно, не донесу. Морду бы вам набить...

– Но вы и на это не способны, – подхватил Галп. Глаз-

ки его сияли. — Поэтому морду всегда бьют вам, нидкурляндец. Послушайте, Бьорн, совет взрослого бога: бегите отсюда. Вам здесь не место. Забирайте свою флягу и уносите ноги. Вам повезло, что вы ее спрятали так, что я не смог найти и был вынужден предлагать сделку. Кстати, не ожидал от вас... Учтите, вы мне-то на один зуб, а я далеко не самое страшное, что может встретиться на Небесах! Воспользуйтесь советом — я редко говорю то, что думаю.

Эдак разобрало мерзавца. Ну, сейчас я тебя...

— Зато я художник, — равнодушно сказал я.

— Да, — Галп помрачнел, — зато вы художник. Утешайте себя этой мыслью. Обещаю, из уважения к таланту, каждые сто лет навещать вашу могилу и оставлять на ней букет полевых цветочков. Видите, как я сентиментален...

— Обещаю один раз помочиться на твою могилу, — сказал я. — Вали отсюда, пока цел, ублюдок бездарный!

— Валю, — сказал Галп, — уже валю. Вам меня не обидеть, Бьорн Нидкурляндский: все мы ублюдки в каком-то смысле... Ублюдки Одного. Но вы все-таки подумайте над моим предложением. Оно остается в силе.

Я смотрел, как Галп уходит, и думал, что он, в сущности, прав. Мне здесь не место... Потом обогнул дуб и снял с сучка флягу, которую вчера забыл забросить в шалаш. Дошел до ручья и попытался отмыться, зачерпывая воду ладонями, потом плюнул и залез в ручей всей тушей. Прополоскал штаны и жилетку, бросил их сушиться на ближайший куст и вер-

нулся к шалашу.

В шалаше пахло горелой свечкой; засветив лампу, я обнаружил, что в моих вещах копались, даже не позаботившись разложить их по местам. Я отхлебнул из фляги. Хорошо... Приложился еще раз, как следует.

– Нет, – пообещал я себе, глядя флягу по замшевому боку, – Гали тебя ни за что не получит. Лучше подарю тебя первому встречному, но этому хмырю ты не достанешься точно...

Некоторое время я размышлял, как быть с Росомахой. Боги войны, как правило, довольно гадкие твари, но наглость этого переходила все границы. Оставить давешний мордобой в кабаке без последствий или все-таки преподнести безмозглой груди мышц маленький божественный подарочек? На добрую память о сегодняшнем вечере. А то он так и будет махать кулаками при каждом удобном случае... Эх, да что я! В конце-то концов – дураков учат!

Существует великое множество способов волшебного воздействия на окружающий мир. С помощью живописи, музыки, жестов, слов – в общем, с помощью чего угодно можно буквально творить чудеса.

Вовремя скорченная рожа в сочетании с удачно показанным кукишем помешают даже самому наглому торговцу навязать вам никому не нужный товар. Грамотный трубач, сыграв определенную мелодию, способен разбудить уснувшего вечным сном, а любитель игры на волынке без особого тру-

да снова уложит его в могилу. Написанные великими художниками персонажи сходят с полотна и начинают жить собственной жизнью – гениальная Ила Маз трагически погибла от лап нарисованного ею же чудовища; к сожалению, так рисовать у меня пока не получается...

Маги, избранники изначального, пользуются стихами: те, что попроще, колдуют одностишиями, те, что посерьезнее, используют трехстишия, а Один, как мне рассказывали, способен время от времени разродиться и семистишием. Однако самый простой и вместе с тем самый сложный способ изменить вселенную в нужном вам направлении – просто пожелать такого изменения. Именно эта способность и делает бога – богом.

Преодолев естественную брезгливость, я до мельчайших нюансов представил вкус гадости, которую Росомаха так опрометчиво выплеснул мне в лицо. Прикинул, каким станет вкус этого замечательного напитка, если кружку с ним на недельку оставить под местным жарким солнышком... Капнуть туда рыбьего клея... Поперчить и добавить сахара...

Очень хотелось бы, чтобы отныне все, что он будет пить, превращалось в эту неудобоваримую гадость... Хотелось мне долго, я содрогался от отвращения, не жалея себя, и совершенно выбился из сил. Заклятие было наложено крепко.

Я отхлебнул из фляги и прополоскал рот, избавляясь от привкуса придуманной мной мерзости, заткнул флягу пробкой и подложил под голову. Свернулся калачиком... Бреи

и демоны, а ведь Галп почти выиграл пари, о котором мне Гарик рассказывал! По закону пострадавший от несанкционированного заклятия имеет право убить обидчика; Росомаха, грубо говоря, получил от меня пусть и своеобразный, но бесспорный вызов! Теперь действительно нужно держаться от него подальше. На Земле он меня не найдет, бог Росомаха слабенький, но мосты можно считать сожженными – на Небесах не больно спрячешься...

Мне приснилось, что несчастного бога войны, из-за постоянного употребления неудобоваримого напитка, разбил паралич. Так как на эти мучения обрек его я, меня терзали чудовищные угрызения совести. Я пытался вылечить Росомаху с помощью шоковой терапии, для чего сбрасывал инвалидную коляску с находящимся в ней страдальцем в море с высокого обрыва – по идее, он должен был поплыть и излечиться от недуга. Ларс, однако, излечиваться и плыть не желал, а, наоборот, шел ко дну. Я нырял за ним, вытаскивал из воды, тащил на обрыв, сталкивал в воду; он тонул, я прыгал за ним...

Когда я, уже падая от усталости, в очередной раз затащил Росомаху на вершину скалы, то обнаружил там смеющуюся Елену.

– Что ты мучаешься, – проворковала она. – Сейчас я Ларсика поцелую, и у него все пройдет. Уходи, разве ты не видишь, что нам нужно побыть вдвоем?..

Я проснулся разбитым и долго лежал в темноте, приходя

в себя. Тело ныло, как после тяжелой работы. Вставать не хотелось, но вставать было надо. С Ленкой нехорошо получается, убегаю, даже не попрощавшись. Я подумал, не написать ли ей письмо? Ладно, она у меня баба умная, сама поймет. Я представил ее лицо – когда она узнает, что меня больше нет, что я на Земле... Первым делом она, понятно, перебьет всю посуду в доме. Картины жалко, надо полагать, им светит костер. Сделать авторские копии, впрочем, не сложно. А может, и не тронет картины. Может, застынет перед моим автопортретом, выронит нож, которым собиралась его покромсать, упадет на колени, заломит руки и разрыдается. Простоволосая, в этой своей прозрачной ночнушке. И тут я такой неслышно подхожу сзади и кладу руки ей на... стоп! Еще немного фантазии, и я никуда не уйду. Разнюнился-разбабился я что-то, а давно пора делать ноги. В конце концов, она меня, при желании, и на Земле найдет. Богиня любви, и не из последних, – сердце подскажет, где искать...

Я вылез из шалаша, умылся, оделся – штаны на поясе были еще сырыми, – поправил на боку флягу и отправился в путь. На Землю. Налегке. Уходить надо, бросая все, иначе далеко не уйдешь...

Чтобы оказаться на Земле, мне надо было пройти через так называемые врата. Механизм их действия я представлял себе крайне смутно. Учитель однажды попытался меня просветить на этот счет, но я ничего не понял. Там была задействована какая-то высшая магическая математика, я же по

складу ума – убежденный гуманитарий. Я в свою очередь попытался объяснить Учителю, что такое гуманитарий, но он понял меня несколько упрощенно.

– Ленивый болван! – сказал он. – Тебя бесполезно чему-то учить...

Врата находились на западе. Их охранял дракон, который не пропускал никого без разрешения Верховного.

Про драконов я знал даже меньше, чем про врата. Дело в том, что драконов, демонов и рогатых бреев боги воспринимали как потенциальных агрессоров и изучали на так называемых семинарах небесного ополчения.

Из объяснений Учителя я понял, что потенциальный агрессор, как всегда и бывает, – это те, кого мы, боги, собираемся со временем поработить. Поэтому на семинарах изучались разнообразные способы уничтожения своих ближних, дальних и средних. Посещать семинары обязаны были все боги без исключения. Я на них не ходил никогда. Это, мягко говоря, не поощрялось...

На Земле про драконов рассказывали всевозможные легенды и сказки. Они жили на знаменитом Драконьем материке, и уже несколько столетий, с тех пор как были уничтожены последние маги, люди драконов не видели или видели только издалека. Я читал, что на материк было снаряжено несколько разведывательных экспедиций, но ни один из участников назад не вернулся. Виновата ли в этом кровожадность драконов или же путешественников уничтожили жи-

вущие на побережье материка племена дикарей, в книгах не уточнялось.

В сказках драконы были плотоядны, умны и могущественны, но одурачить их сказочным персонажам удавалось почти всегда. Когда не удавалось одурачить, драконов побеждали в честном бою. Когда не удавалось и это, вмешивался Один, и дракону все равно ничего не светило... Я почему-то был твердо убежден, что мне папаша помогать не станет.

Главная трудность моего предприятия заключалась в том, чтобы, через голову Верховного, уговорить дракона меня пропустить. По слухам, это не удавалось еще никому, и особенно настойчивых дракон, опять-таки по слухам, съедал. Впрочем, у меня были свои методы убеждения, а слухи обычно распускают те, кому они выгодны, – в данном случае, например, Верховный.

Дорога к воротам проходила мимо пресловутого Мертвого Озера, проклятого промочившим в нем ноги Одним на заре времен. Было уже светло, когда я выскочил из леса к берегу озера и остановился, прикидывая, с какой стороны озеро лучше обойти. Жутко прокричала какая-то птица, в ноздри мне ударил запах болота... Поежившись, я для бодрости отхлебнул из фляги.

Озеро было довольно красиво, но красиво какой-то странной, пугающей красотой, и озеро это показалось мне огромным. Лес стоял вокруг него стеной, но на отдалении, предпочитая к озеру не приближаться. Шагов тридцать отделяло

меня от берега, но трудно было определить, где кончается земля и начинается вода, — казалось, странная темная трава сливается с черной водой, являясь продолжением озера. Над водой, будто бы озеро собиралось закипеть, поднимались густые испарения.

В десяти шагах от меня появилось странное бледное пятно, которое, постепенно сгущаясь и темнея, принимало очертания сидящей человеческой фигуры. Озеро пользовалось дурной славой, но я решил подождать, чем закончится этот странный феномен. Из любопытства. Феномен закончился тем, что пятно окончательно превратилось в престранного человека, восседающего на престранном кресле.

Человек выглядел вполне вещественно, был велик ростом и загадочно одет в белые мокасины, синие обтягивающие портки и черно-красную клетчатую рубаху, в портки не заправленную. Лицо у него было бледное и бритое, длинные русые волосы стянуты в хвост на затылке... Нос немного картошкой, подбородок с ямочкой, глаза большие, выпуклые и смышленные.

Приятный в общем-то человек. Однако сейчас являл он собой, прямо скажем, жалкое зрелище — подобной смеси растерянности и страха я еще не видывал. Человеку, судя по всему, было нехорошо, и был он немного не в себе. Минут пять он на разные лады допытывался, умею ли я разговаривать. Я дал бедняге выговориться. Человек начал заикаться и наконец замолчал.

– Рад приветствовать на Небе! – сказал я.

Человек глубоко задумался, выпученные глаза его приобрели какое-то совсем странное выражение. Он отер дрожащей рукой пот со лба.

– При... Где приветствовать? А... ну, в смысле... логично, конечно, да... Блин! На седьмом небе, что ли?!

– Увы, – я засмеялся, – у нас только одно Небо, и оно, к сожалению, отнюдь не седьмое... Давай-ка я сотворю тебе бутылочку пива, дружище, поможет прийти в себя. А лучше хлебни вот этого, а то что-то вид у тебя больно бледный. – Я протянул ему флягу.

Человек с сомнением повертел флягу в руках, потом осторожно, будто боясь, что его отравят, отхлебнул. Задумчиво почмокал. Наконец лицо его просветлело, он закинул голову и жадно припал к горлышку. Раздалось аппетитное бульканье, темная струйка потекла по его подбородку. Через некоторое время я не выдержал и отобрал флягу, чтобы самому промочить горло.

– Офигительно, – облизываясь, сказал человек. – Спасибо. Так ты говоришь... значит... А что такое – Небо?

– Небо – это Небо. – Я пожал плечами. – Вроде Земли, только на Небе живут исключительно боги. Что ты как маленький, в самом деле... В развитии не отстаешь?

– Опережаю, – буркнул человек. – Какие еще боги?

– Разные боги. – Я ободряюще похлопал его по плечу. – Согласись, должны же мы где-то жить!

– А ты кто?

– Я – Бьорн Толстый Нидкурляндский. Бог, разумеется. К сожалению, ты тут никого, кроме богов, и не найдешь...

– Ты – бог?!

Мой собеседник, похоже, был изрядным тормозом. Как по мне – он постоянно запаздывал со своими вопросами на один ход. Впрочем, бедняга еще не оправился от потрясения...

– Разумеется, я бог! – сказал я, немного обиженный его сомнениями. – Бог виноделия, и не из последних. Возьми флягу и убедись еще раз!

Я всегда утверждал, что лучшее средство прочистить мозги – добрый глоток хорошего пива. Судя по всему, незнакомец придерживался той же точки зрения, и я еще раз порадовался, что пиво во фляге не кончается никогда.

– Спасибо, – сказал человек. – А почему ты говоришь по-русски?

– Это не по-русски, – засмеялся я. – Это на изначальном.

– Как-как?!

– Ну, есть такой язык – изначальный. Язык магов, он же истинный язык, он же язык Одного. Понимаешь, считается, что этот язык сам выбирает, кто на нем говорить будет. Без спроса. Носителей языка, так сказать...

– А я тут при чем?

– Ты теперь – тоже носитель... Ну-ну, дружище, сделай лицо попроще. Чудо как чудо, что тебя удивляет? Привыкай!

Над лесом выскочил край солнца, и все кругом окраси-

лось в мягкие розовые тона, но Мертвое Озеро так и осталось иссиня-черным. Неприятное озеро, и я, решив не смотреть на него, закинул голову навстречу солнечным лучам.

– Что же мне теперь делать? – жалобно спросил человек, возвращая мне флягу.

– А что ты делать любишь?

– Не знаю... Ну... В общем, вроде ничего...

– Похвальная искренность, – сказал я. – Сдается, мы с тобой похожи. Я тоже люблю выпивать и ничего не делать, но тщательно это скрываю... Слушай, дружище, а как тебя сюда занесло? Обычно все попадают прямо к Верховному.

– Я это... игрушку одну делал...

– Детишкам?

– Я... в том числе... На компьютере я! Э... блин, программ все-таки... разработчик...

– Не понял, – признался я. Компьютерами, кажется, называли породу собак на северных островах. – Ты их погонщик?

– Кого погонщик? Сам ты погонщик. – Человек выхватил у меня флягу. Вид при этом он имел несчастный. – На Землю спускаться иногда надо, а то – тоже, боги они!

– Запрещают нам спускаться, – сказал я, – говорят, заслужить надо, а так – только по делу разве отправят, в командировку. А без блата о командировке и мечтать нечего...

– Угроздило же меня залететь черт-те куда! Небо... Так все хорошо начиналось! А на обоях-то пятно, елы-палы, вдруг оно растет? Эдак же и дом сгорит! Нет, подобное неве-

зение переходит все границы! – И человек в сердцах хватил огромным кулачищем по подлокотнику кресла, на котором сидел.

Подлокотник, конечно, отвалился, а человек, оказавшийся на земле, взвыл:

– Мое любимое кресло!

– Успокойся, что ты так расходишься? – сказал я, поднимая откатившуюся флягу, из которой вытекало пиво. – Потоп устроить хочешь?

– Что же теперь делать? – Бедняга совсем потерял голову от огорчения. Подскочив ко мне, он вцепился в мою жилетку. – Что?! Ну что мне теперь делать, я тебя спрашиваю?!

– Тихо ты! – Я отпихнул его от себя. – Тоже мне, нашел шефа-координатора! Что делать, что делать! Ступай к Верховному, он тебе скажет, что делать! Он у нас командовать любит! Без дела не останешься!

– Извини, братушка, – сказал он. – Извини.

– Да ладно, с кем не бывает...

– А ты не мог бы меня обратно отправить? Домой?

– Да где мне, – сказал я, протягивая ему флягу. – Меня бы кто отправил.

– А этот, как его... Верхний?

– Верховный. Может. Если захочет, конечно. Говорят, что он все может. Врут, понятно, из подхалимства...

– Слушай, а ты бы меня проводил к вашему Высшему...

– Верховному. Высший – Один, и все боги – дети его. При-

выкай к этой грустной мысли, родственник.

– Так проводишь?

– Не могу. У меня неприятности, дружище. Я, если честно, в бегах нынче.

– В чем?

– Да повздорил тут. Боги, знаешь, тоже разные попадают-ся... Ты не бойся, все будет в порядке. Просто тебе надо маршировать строго на восток, по тропинке. Выйдешь к кабаку, «Земные радости богов» называется. Передашь хозяину привет от Толстого Бьорна, и он проводит тебя к Верховному.

– А где восток?

– Там, где сейчас восходит солнце, – терпеливо объяснил я.

– Ты не умничай, ты пальцем покажи, – засмеялся он, вспомнив о чем-то своем. – Далеко?

– За час дойдешь. Заодно позавтракаешь. Тебя как зовут?

– Энди.

– Прощай, Энди. Удачи тебе. Не забудь сказать трактирщику, что ты от меня... Да! И с Верховным поаккуратнее говори!

– Большое начальство? – с понимающей ухмылкой сказал Энди.

– Точно. – Парень мне определенно нравился.

– А ты сам-то куда?

– Гм... Надеюсь, что на Землю. А там – как получится.

– Может, мне с тобой лучше пойти?

– Я бы не советовал, – честно предупредил я. – Могут сожрать. В буквальном смысле.

– Да нет, я не навязываюсь...

– Тогда прощай.

– Да... Прощай... Слушай, Бьорн! – окликнул он меня. – Я, это... Пиво у тебя очень хорошее. Я такого замечательного пива и не пил никогда...

– Ну, ты, дружище, наглец, – сказал я, последние полгода колдовавший над своей флягой по несколько часов в день. Двенадцать тысяч монет. Без торговли. И Галп отправит меня на Землю, если с драконом не выгорит... – Слов нет, какой наглец!

Энди ждал.

– А, – махнул я рукой.

В конце-то концов – вот тот самый первый встречный, о котором я думал ночью. Можно сказать, даже обещал уже. Да и с Еленой неловко получается... В общем, возможность сделать ближнему добро была сейчас очень кстати.

– Держи! Я и без нее не пропаду.

Я повесил флягу первому встречному на шею, одобряюще хлопнул здоровяка по плечу и зашагал дальше. Забавный паренек, жалко его. Как возьмут его в оборот наши крокодилы, мало не покажется. А может, и приспособится, я ведь даже не знаю, чего он бог. Может, он тут еще сам всеми покомандует...

...Пресловутые врата оказались аляповатым узорчатым сооружением из тонких прутиков сверкающего металла. Их отличала безвкусная помпезность, свойственная творениям Одного. Не врата, а триумфальная арка какая-то!

Недалеко от триумфальной арки возлежало, спиной ко мне, огромное тело. Чешуя дракона отливала зеленью, и с моей стороны он казался небольшим пригорком, только земля этого пригорка равномерно опускалась и поднималась в такт дыханию зверя. Дракон спал. Стараясь не шуметь, я, на цыпочках, попытался подкрасться к вратам, но пригорок спал чутко. Почуввав мое приближение, он лениво поднялся и сделал шаг навстречу.

Теперь чудище стояло ко мне мордой, и я мог как следует его рассмотреть. Дракон как дракон: мускулистое туловище, длинная крепкая шея, изящная голова с огромными черными глазами. Я и сам таких рисовал... Глаза мне понравились, в них были и лукавство, и ум. От чудища весьма приятно пахло какими-то пряными благовониями.

Интересно, а разговаривать они умеют?

– Привет, – сказал я. – Не хотел будить. Боялся показаться бесцеремонным...

Лукавые глаза понимающе моргнули.

– А я тут прогуливаюсь, – сказал я, – смотрю, дракон. С детства мечтаю познакомиться с драконом...

Ответа не последовало.

– Первый раз вижу калитку без забора, – показал я на врата. – Обычно все бывает наоборот. Не возражаешь, если я посмотрю поближе?

Дракон плотоядно облизнулся. Кажется, он возражал.

– А ты не очень-то разговорчив, – улыбнулся я как можно дружелюбнее. – Совсем как человек, да? Все понимаешь, только сказать не можешь? – И я потянулся к его шее – погладить. – Правда ведь, ты меня не сожрешь, скотинка животная...

– Руки прочь! – прогрохотала скотинка, шарахаясь назад. – Это кто это здесь животное?!

Я сел на траву, а дракон закинул голову, распахнул страшную пасть, продемонстрировав ужасающие клыки, и захохотал. Я сразу наполовину оглох, скотинка же, отсмеявшись, с грохотом рухнула на землю и положила башку на передние лапы.

– Ну, и кто ты такой? – Когда дракон говорил спокойно, голос его был хотя и громким, но приятным и мелодичным.

– Я? Бьорн. Толстый Бьорн. Нидкурляндский Бьорн Толстый, если быть точным...

– Это точно, худым тебя не назовешь. Итак, чего же ты хочешь от меня, Бьорн?

– Мне бы через арку эту – того... На Землю бы.

– Верховный не говорил про тебя. И в списке тебя тоже нет. Ты не можешь пройти, Бьорн.

– Да я тут подумал... Может, договориться получится?

– Хочешь, чтобы я тебя съел, нидкурляндец? – грозно спросил дракон, снова показывая клыки. – Тысяча золотых!

– Сколько?! – завопил я, задыхаясь от возмущения.

– Гм... Тысяча. А сколько есть?

– Ну... – Я на всякий случай проверил карманы. Денег, как я и подозревал, не оказалось. Зачем мне деньги? – Ну...

– Ну, хоть пообедаю, – закончил за меня дракон.

– Э, – сказал я, пытаюсь отползти от него подальше. – Э... Э!

– Ну что ты мычишь? Совсем как дракон – все понимаешь, только сказать не можешь? – Огромная лапа с жуткими когтями угрожающе нависла надо мной, потом когти втянулись, и лапа аккуратно погладила меня по лысине. – Спокойно, скотинка, спокойно, животное. – После чего опять раздался громовой хохот, а я, опять изрядно оглохший, промямлил:

– Я это... того... В горле, понимаешь, пересохло. Жарко. Попить бы, а?

– Ну что же, Бьорн, в лесу поблизости есть небольшой источник. Пойдем, я тебя провожу. – И дракон неторопливо двинулся вперед.

Я прикинул расстояние до врат. Пожалуй, если сделать рывок, то можно успеть добежать... Но решил не рисковать: бегун я никудышный. И потом, а вдруг врата не сработают? В общем, ну его на фиг! Я пошел за ним.

То, что мой провожатый называл родником, было мощ-

ным потоком, фонтаном, бьющим из-под земли. Дальше вода успокаивалась, и небольшая спокойная речка текла по долине, теряясь в лесу.

– Угощайся, – предложил дракон и принялся шумно лаять.

– А как насчет пива? – поинтересовался я, деликатно постучав по могучему зеленому боку.

– Никогда его не пробовал, – сказал дракон, отрываясь от воды. – Мне говорили, что это что-то вроде вина, Впрочем, не помню точно. Мы, властелины воздуха, вино не любим, да и вряд ли ты мог притащить его в достаточных количествах.

– Ну, попробовать-то можно. Вдруг оценишь, – ответил я и принялся творить.

Раньше мне никогда не приходилось работать с такими объемами, но сегодня я был в ударе, да и необходимость меня изрядно подхлестывала. Цвет воды постепенно менялся, и довольно быстро мне удалось добиться того, что из-под земли забил фонтан очень приличного темного эля.

– У тебя неплохо выходит, – похвалил дракон. – Я знал богов виноделия, одним, признаюсь, даже закусывал, но никто из них не был способен на эдакое!

– Мастерство не пропьешь. – Я опустил на четвереньки и принялся с наслаждением пить, показывая пример.

Дракон нерешительно взмахнул крыльями и присоединился ко мне.

– Однако, Бьорн, эту жидкость я, кажется, способен пить

в любых количествах! Очень недурно, Бьорн! – И он снова нагнулся к пиву.

Я же, напившись, откинулся на спину и уставился в небо. Я люблю разглядывать небо через кроны деревьев. Страх мой совсем прошел, а настроение, как и всегда после такого достойного утоления жажды, заметно улучшилось, и я запел:

А я опять хочу пива,
Хочу пить пиво я постоянно,
Хотя порой бываю очень пьяным
От пива...

– Хорошая песня, Бьорн. – Дракон плюхнулся рядом со мной, тоже на спину, очень потешно задрав кверху грозные лапы и выстукивая такт хвостом. – Послушай, а зачем тебе на Землю? Чего ты там не видел?

– Да, честно говоря, я отсюда бегу. Совсем меня затрети- ровали, надоело. На подругу обиделся, опять-таки. А тут еще вояка один придурочный поколотил меня вчера, гад!

– М-да... Ну и чего же ты отчебучил по этому поводу? Или так идешь?

– Ага. Отчебучил. Не удержался, вояке отомстил.

– Грохнул? – Дракон посмотрел на меня с уважением.

– Почему сразу – грохнул? – обиделся я. – Заклятие на- ложил.

– Ну, ты зверь! – захохотал дракон. – Помню, повздорил я как-то с одним божком – ты не представляешь, какие за-

пахи меня потом преследовали! Я вонял, как куча нечистот! Как две кучи! Ничего себе положеньице! Никто просто физически не мог переносить меня больше минуты. Полвека одиночества – это, Бьорн, не шутка. Я никак не мог поймать мерзавца, запах мой летел впереди меня!

– Ну, а чем дело-то кончилось?

– Сlopал я гада, Бьорн, слопал. Друзья помогли. А то меня иначе, как Вонючкой, уже и не называли. Ничего себе имечко для дракона, а? Слушай, давай еще по пиву!

И мы снова припали к потоку, а после снова откинулись на спину и уставились в высокое летнее небо.

– А сейчас тебя как зовут? – спросил я.

– Да так и зовут – Вонючка. Прилипнет – не отвяжешься... да я и привык уже, не обижаюсь.

– Давно врата охраняешь? – спросил я, засовывая хвост Вонючки себе под голову.

– Лет двадцать уже. Скоро сменят.

– Скучно, наверное?

– Да бывает, конечно, но не так уж... Боги интересные попадают, опять-таки. – Он благосклонно взглянул на меня. – У нас, драконов, с богами давняя договоренность, что мы эти ворота охраняем. А раньше не ладили мы, ох не ладили. Сколько народу с обеих сторон полегло, подумать страшно! Однажды полматерика выжгли, да и Небесам досталось на орехи. Но потом демоны пришли, маги восстали, брей, самому Одному вмешиваться пришлось – ну и наша Древ-

нейшина с вашим прежним Верховным договорились, чтобы вместе. Вот за это маги его и шлепнули...

– Долго еще сидеть?

– Уже должны сменить были. Неохота ведь никому тут торчать, отлынивает молодежь. Меня, по правде, тоже сюда против воли загнали. Мол, лучше уж там воняй.

Мы помолчали.

– А хорошо ли быть драконом? – спросил я.

– Неплохо, пожалуй, – ответил Вонючка, крепко подумав.

– Ну что ж, за драконов, – сказал я, направляясь к источнику.

– За драконов! – обрадовался Вонючка, последовав моему примеру.

Утолив жажду, он выразил желание выучить мою песню, я сказал ему слова, память у него оказалась хорошая, и мы запели:

Как хорошо пить пиво с рыбой,
Пить пиво с раками ничуть не хуже,
Хотя выходит все равно наружу
Все пиво...

Любо-дорого было послушать, как дракон ревет песню на весь лес, при этом ухитряясь сохранить мотив. Я себя почти не слышал, но тоже старался изо всех сил.

Эй, приятель, пиво ты пей,

Пиво ты пей, пей пиво!

Заключительные ноты прозвучали особенно удачно, и, воодушевленные, мы подкрепились воспетым напитком. Вонючка, как и я, уже изрядно осоловел.

– Бьорн, – восторженно воскликнул он, – а из тебя отличный дракон мог бы получиться! Давай я замолвлю словечко, Древнейшина наверняка согласится!

– Дудки! – Я со смехом погрозил ему пальцем. – Все про вас, драконов, знаю, не думай! Одна дракониха на всю ораву! Я в очереди стоять не люблю!

Вонючка пригорюнился и ушел к источнику. Вернулся он, впрочем, повеселевшим.

– Слушай, Бьорн, а все-таки удачно вышло, что ты ко мне забрел! – сказал он, обнимая меня крылом за плечи. – А какими судьбами ты ко мне забрел? – встрепнулся он.

– Да я же говорил, на Землю мне надо.

– А, помню, ты же... это... бежишь. А от кого ты бежишь?

– Да так, от одного бога войны, – терпеливо начал я свою историю по второму кругу, – от Росомахи...

– Какой-то жалкий божок осмеливается обижать моего друга! – зарычал дракон. – Подать сюда эту Росомаху!

Вонючка бросился в лес, ломая молодую поросль и яростно рыча. Минут через пять он вернулся и тяжело перевел дух.

– Уф, – сказал дракон, – что-то не нашел я вражину! Но

ты не переживай! Вот хлебну пива, и тогда она от меня не уйдет!

– Прекрати, что ты раздухарился? Росомаха сейчас наверняка в поселке...

– Я сплю этот поселок! – задорно гаркнул Вонючка, на секунду отрываясь от пенящегося потока.

– Что ж, это странный мир, – расстроился я, – поэтому мне и хочется на Землю, в родной городок. Здесь все стремятся сожрать друг друга, и, кажется, только у нас и можно найти доброту. – По моим щекам потекли слезы, я махнул рукой и отправился заливать печали.

– Ну что ты, Бьорн, перестань. – Вонючка сочувственно опустил рядом со мной и уныло опустил голову.

– Жестокость, – всхлипывал я, – как вы не можете понять, что жестокость и пиво несовместны...

– Эх, Бьорн, – Вонючке передалось мое настроение, – а ты думаешь, драконам намного лучше твоего приходится? – Он душераздирающе вздохнул. – Да нас, если хочешь знать... Да мы... Слушай, друг, спой что-нибудь грустное, а, ты так хорошо поешь! Про нас, про драконов, ты ведь в душе дракон, я знаю... – Кажется, он тоже заплакал.

– Я в душе художник...

– Вот-вот, я же и говорю... – Вонючка окончательно разрыдался. – Мы ведь, драконы, тоже в душе художники... Только рисовать не умеем...

– Так я не знаю про драконов...

– Ну пожалуйста, Бьорн, я ведь подпою!

– Ладно... – И обливаясь слезами, прерывая пение походами к источнику, мы затянули старую добрую песню, которую я на ходу переделал соответственно случаю:

У дракона четыре ноги,
Позади у него длинный хвост,
Но трогать его не моги-и
За его малый рост, малый рост.

У дракона большие глаза,
В тех глазах – большая слеза:
Это ты наступил ему на хвост,
Несмотря на его малый рост...

После этого мы уже почти не говорили. Песня имела такой бешеный успех, что мы пропели ее раз десять подряд. Про пиво мы тоже не забывали. Наконец, я сообразил, что если хочу пройти сегодня через врата, то мне пора. И был прав, ибо вместе с Вонючкой, который отправился меня провожать, до ворот мы добрались с немалым трудом.

– Прилетай в гости, дружище, – просил я, – я тебя еще не так угощу. Прилетишь?

– Обязательно, но и ты, Бьорн, меня не забывай, – требовал он. – Меня вот-вот сменят, и я вернусь в драконьи горы. Спреи... спроси там Вонючку...

– Прощай, друг Вонючка, – сказал я, обнимая дракона. –

Будет возможность – обязательно тебя проведу. Обещаю!

– Буду ждать, буду ждать, – сказал дракон сонно и, глядя куда-то вниз, под себя, задумчиво добавил: – Подумать только. А ведь до сегодняшнего дня я считал, что ног у меня всего две...

Глава 3

Энди Васин. Небеса обетованные

Пологие холмы, покрытые мягкой как шелк травой. Могучие деревья неизвестной мне породы – сюрреалистическая помесь дуба с березой, но только хвойные. Поляны, сплошь заросшие цветами самых идиотских расцветок... Жену бы сюда. То-то было бы сюсюканья...

Я двигался в указанном направлении, время от времени прихлебывая из подаренной фляги. Фляга была литра на полтора. По моим подсчетам, я уже давно должен был выхлебать из нее все, но фляга по-прежнему была полна. Я решил в этом плане не заморачиваться и продолжал пить.

Воздух был настолько свежим, что курить хотелось не переставая. Мало того. Курить хотелось даже во время курения. Затягиваясь дымом только что прикуренной сигареты, я уже с воодушевлением думал о следующей.

Время от времени тропинка упиралась в маленькие лесные речушки, через которые я легко перепрыгивал. На берегу одной из них я присел отдохнуть. В прозрачной воде плавала стайка золотых рыбок с роскошными хвостами. Мелодично гремел птичий хор (да так слаженно, словно птицы подчинялись невидимому дирижеру). Над моей головой порхали бабочки. Кругом царила настоящая идиллия, но я ис-

пытывал смутное беспокойство, которое все больше нарастало. Что-то в этой идиллии было не так. Чего-то мне не хватало.

И я знал – чего именно.

Не хватало консервных банок на дне речушки. Не хватало битых бутылок (целые бутылки тоже отсутствовали). За всю дорогу я не встретил ни одной гниющей мусорной свалки, ни одного ржавеющего древнего трактора, погибшего в неравной битве с урожаем. Старые покрышки не валялись повсеместно. Легкий ветерок не вынес мне под ноги ни одного обрывка газеты. Ни клочка туалетной бумаги. Под ногой, правда, был сигаретный бычок – но это был, увы, мой бычок.

Это, черт побери, не лес! Это какой-то тайный заповедник, предназначенный исключительно для отдыха крупных правительственных чинов и дружественных им мафиози...

Я представил, как из-за деревьев выходят мордовороты в камуфляже, сообщают, что это частная собственность, охраняемая государством, ставят меня к ближайшему березодубу и передергивают затворы Калашниковых...

Впрочем, если принять гипотезу Бьорна, я нахожусь вовсе не на Земле, а даже, наоборот, на Небе. Может, у них везде идиллия. Может, у них нет никакого правительства, никаких чиновников и, как следствие, никаких бандитов. Тогда не исключено, что здесь все леса такие.

Я с сомнением посмотрел на резвящихся золотых рыбок.

Из-за ближайшей коряги к ним метнулась золотая щука. Рыбки бросились врассыпную (спастись удалось не всем). Я саркастически усмехнулся, бросил в воду окурок и отправился дальше.

Просто местные боги – боги дикие, не додумавшиеся до таких благ цивилизации, как консервы, трактора или пластиковые пакеты. Меня охватила паника при мысли о том, что в таком случае они могли не додуматься и до сигарет... а ну как я у них застряну?

Толстяк говорил, что я тоже бог... и что на землю богов кто-то не пускает... Это как же получается? Меня же с работы уволят (вместо повышения!), и так с шефом ругань постоянная из-за опозданий. Шеф-то ничего, ему на меня стучат, он и воспитывает, работа такая. А вот на прошлой работе, когда я еще был простым разработчиком... там мелюзга самоутверждалась. Начальнику положено к обеду приезжать, а наш пунктуальный осел каждое утро с блокнотиком всех встречал в девять. Ну, я с ними и распрощался. Как и все, кто чего-то стоил.

Вот не люблю никогда не опаздывающих людей. У меня от общения с ними комплекс неполноценности случается. Мол, они – не опаздывающие – пупы земли, а все остальные – нормальные люди – перед ними виноваты и им должны... Я вспомнил, как ознакомил с этой доктриной жену, и она мне немедленно все припомнила: и полтора часа у электрички, и полчаса перед театром Советской армии, и даже жалкие во-

семь минут при подаче заявления в ЗАГС... «Ты опаздывай, опаздывай, – сказала тогда Марина Львовна, собирая сумку, – а я у мамы поживу...»

Идти было удивительно легко, хотя я так себе ходок, с куревом надо завязывать. Ноги буквально пружинили от земли, поросшей под травой слоем упругого мха, и вскоре я вышел к маленькой уютной деревеньке вполне европейского вида. Несколько аккуратных деревянных коттеджей под разноцветными черепичными крышами, а у самой опушки, ближе всего ко мне, – здание побольше, белого камня, с маленькими окнами-бойницами. Подойдя к нему, я сразу понял, что это или кабак, или отель, или что-нибудь в этом роде, так как над дверями здания сверкала на солнце серебряная вывеска: «ЗЕМНЫЕ РАДОСТИ БОГОВ». Я ничего не имел против земных радостей и толкнул дверь.

Посетителей в кабаке не оказалось. Странно, в деревеньке я тоже не заметил ни одной живой души... Широкий проход между массивными столами вел от дверей к стойке бара. За стойкой ворочался похожий на орангутана громила. Его штрафную физиономию, покрытую многочисленными шрамами, украшал сплюснутый нос, отливающий всеми цветами радуги. Содрогнувшись, я тем не менее мужественно подошел к стойке и оседлал табурет.

Громила не обратил на меня никакого внимания. Я покашлял. Громила демонстративно повернулся ко мне спиной.

– Привет от Бьорна, – сказал я.

– Да ну? – обрадовался громила, и его рожа перекосилась в гостеприимную ухмылку. – Жрать будешь?

Чтобы понять, что говорит изрядно шепелявивший трактирщик, приходилось внимательно вслушиваться.

– Обязательно, – сказал я, вдоволь налюбовавшись единственным зубом этого типа. – И еще как: с утра не жрамши!

– Джем меня зовут. Бог чревоугодия, – буркнул он и полез под стойку.

Я повернулся на табурете, оглядывая помещение, и остолбенел. На противоположной от меня стене висела картина. Картина, надо сказать, сильная!

Тревожное грозное небо, озаряемое зловещими красными сполохами. Серая, тоскливо-серая каменная гряда, враждебная всему живому, усеянная искалеченными, расчлененными телами животных – коров, овец, лошадей... Над ними вьется отвратительная стая стервятников с человеческими головами. Стервятники дерутся за обладание кровавой добычей.

А на переднем плане – обезумевший костлявый старик в грязной рваной хламиде безжалостно втаптывает в камни несчастного маленького зверька, похожего на кролика, но обладающего великолепными ветвистыми рогами.

На скорбной мордочке зверька читается обреченная покорность судьбе и отчаянная мольба о пощаде. Но он не смотрит на несущего ему погибель старика. Он смотрит

вдаль, на тела несчастных животных. Он скорбит не о себе – он скорбит о них.

Старик явно не скорбит ни о ком. Рот его перекошен в истерическом смехе кровожадного фанатика, костлявые пальцы судорожно сжаты в кулаки, воспаленные глаза горят яростной радостью дорвавшегося до любимого дела маньяка...

– А ты чего бог, парень? – прокряхтел сзади меня Джем.

Я с трудом оторвался от созерцания картины, и немедленно меня захлестнуло трусливое желание обернуться. Картина была написана столь реалистично, что я боялся, как бы старик-маньяк, покончив с кроликом, не соскочил на пол кабака и не растоптал меня, трактирщика, весь мир...

– Да, – сказал трактирщик, оценив мои чувства. – Я первое время из-за этой мазни в собственном заведении боялся ночевать. Потом привык.

– Апофеоз садизма, – пожаловался я ему. – Кошмарный сон зайца... Я бы ее выкинул. Или продал за большие деньги обществу защиты животных.

– Ешь, – сказал трактирщик, ставя передо мной большой дымящийся горшок. – Меня эта мазня от серьезных неприятностей спасла. К тому же теперь кто попало ко мне не шляется.

– Это точно, – согласился я, оглядев пустой трактир. – Кто попало не шляется!

Есть, спасибо картине, мне расхотелось, но я из вежли-

вости зачерпнул из горшка и попробовал. Потом зачерпнул еще раз. Потом попросил приготовить мне еще три-четыре порции. Понятно теперь, почему Бьорн – толстый. Худым при таком питании мог остаться только очень больной человек.

– Что будешь пить? – спросил Джем.

– Не беспокойся. Мне тут подарили. – И я показал трактирщику флягу.

Он остолбенел. Потом посмотрел на меня, как-то нехорошо посмотрел.

– Это фляжка Бьорна? – спросил он вкрадчиво.

– Да, – сказал я, предчувствуя неладное. – А что?

Трактирщик, не нагибаясь, пошарил где-то внизу и аккуратно положил на стойку жуткого вида молоток. Я на всякий случай отодвинулся.

– Это что же получается, – проворчал трактирщик, с интересом разглядывая инструмент, предназначенный для забивания гвоздей и не понравившихся ему посетителей. – Подарил флягу, получается... А этот, – трактирщик снова бросил на меня нехороший взгляд, – а этот с благодарностью принял...

– Ну да, – вынужден был признаться я, отодвигаясь еще дальше.

– Принял, воспользовавшись необдуманном порывом бескорыстного человека, самую ценную вещь на этом треклятом Небе, – монотонно запричитал трактирщик, – флягу,

забравшую в себя месяцы самоотверженного труда, дипломную работу, гордость гильдии богов виноделия...

– Я не знал, – сказал я, – не знал, что она такая ценная. Я первый день здесь.

– А-а, – смягчился Джем, – тогда ладно. Ничего тогда...

– Знал бы – отказался, – покривил душой я, развивая успех. И, подумав, что вряд ли увижу щедрого толстяка еще раз, добавил: – Верну при первой же встрече!

Трактирщик снова пошарил под стойкой и положил рядом с молотком шишковатую дубину.

– Это что же получается, – затынул он, – человек ему самое дорогое дарит, а этот, получается, брезгует...

– Стоп! – сказал я. – Стоп. Я не брезгую. Я еще как не брезгую, – и, присосавшись к фляге, показал трактирщику, насколько я не брезглив.

Трактирщик заворуженно считал глотки.

– А-а, – сказал он уважительно, – тогда конечно... Ладно тогда...

– Кстати, кто нарисовал эту картину? – спросил я, стараясь переменить тему разговора, и не переменял.

– Бьорн.

– Кто?!

– Бьорн. Бьорн Нидкурляндский! Ты что, о нем не слыхал раньше?

– Не слыхал, – сказал я. – Вот уж не ожидал. Мне он не показался параноиком...

– Это он меня выручал, – вздохнул Джем. – Меня Верховный в Черные Ямы посадить обещал. Тогда Бьорн и нарисовал это.

– И помогло?

– А как же, – сказал трактирщик. – Ты с Верховным еще не встречался?

– Нет пока.

– Так вот. Старик на картине – Верховный.

– Может, лучше мне с ним и не встречаться? – в смятении спросил я.

– Не так страшен Верховный, как его малюют, – сказал Джем. – Когда он про картину узнал, сразу не до меня ему стало.

– Представляю, – сказал я. – А чего он Бьорна в эти Ямы не посадил?

– За картину?! – ужаснулся Джем.

– Ну да, – осторожно сказал я. – Истории такие случаи известны...

– За картину нельзя, – сказал Джем. – Политика. Гильдия богов искусств взбунтуется. Свобода творчества и все такое... А у них с богинями любви и богами плодородия издавна союз. А с богами плодородия все дружат. А богини любви, наоборот, сами со всеми в ладу...

– Не вижу разницы, – заметил я.

– Увидишь, – пообещал Джем. – Короче, за картину в Черные Ямы нельзя. Но и без них жизнь богу испортить всегда

можно. Верховный и холуи его знаешь какие пакостные... А ты где с Бьорном встретился?

— У вас там есть озеро. Неприятное такое все, круглое... — Я махнул рукой, показывая направление. — Бьорн здорово рисует. Слушай, он случайно не вегетарианец?

— Бьорн всеяден, — успокоил трактирщик.

Дверь с грохотом врезалась в стену, и я подпрыгнул от неожиданности. Снаружи донесся взрыв хохота, и в трактир, спиной вперед, влетел человек. Я бы на его месте непременно свернул себе шею, но человеку каким-то чудом удалось устоять на ногах.

— Ладно, ладно! — крикнул он наружу хорошо поставленным баритоном, тоже смеясь. — Вы идите, а я, раз уж так получилось, хоть горло промочу!

Поправив за спиной длинный меч, он отковырял распахнутой двери двумя пальцами и пружинящей походкой атлета направился к стойке.

Высокий, стройный и широкоплечий, человек был красив хорошей, мужественной красотой. Открытое волевое лицо, высокий лоб, решительные голубые глаза, белокурые волосы и светлая аккуратная борода.

— Умираю от жажды, — сообщил он трактирщику и повернулся ко мне: — Честь имею представиться: Ларс Отважный, бог войны. Всегда к вашим услугам!

Трактирщик поставил перед ним большой бронзовый кубок и что-то налил из глиняного кувшина.

– Добрый день, – сказал я, слезая с табурета. – Энди Васин. Очень рад.

– Новенький? – радостно спросил назвавшийся богом войны. – Отлично! Чем намерены заниматься?

– Понятия не имею, – признался я.

– Дело знакомое. Могу копать, могу не копать... – засмеялся Ларс, оглядывая меня с головы до ног. – О! – сказал он, заметив флягу. – Та самая? Неиссякаемая? Славный трофей!

– Да, – сказал я, – хорошая вещь. Самым непосредственным образом нарушающая закон сохранения...

– Да что вы говорите! – восхищенно воскликнул Ларс. – Непосредственно нарушает закон? Мы просто обязаны это использовать!

– Это, значит, что же получается, – угрюмо возмутился трактирщик, – получается, благодетельствовали его, а он законом пугает? Руку дарующую, получается, по локоть откусывает?

– Отлично начинаете, дружище, – вторил трактирщику бог войны, – Верховный будет в восторге...

– Выходит, нож острый другу в спину, значит, чтобы только перед начальством выслужиться...

– А вы, дружище, о-го-го! Далеко пойдете! Пью за ваше здоровье!

Ларс залихватски отсалютовал мне кубком и поднес его к губам. Поперхнулся, поставил кубок обратно на стойку и согнулся пополам, отплевываясь.

– Выходит... Что это с ним? – удивленно спросил трактирщик, прерывая свою тираду.

– Понюхайте, что он мне подсунул, – обессиленно прошептал бог войны.

Нюхать я на всякий случай не стал, потому что и не принюхиваясь чуял гнилую кислятину. Просто в кубок заглянул, в котором в желтоватой мути плавали зеленые островки плесени.

– Каждый день одно и то же, – сказал бледный как полотно Ларс, выпрямляясь. – Право, это становится скучным!

Он взял кубок, задумчиво повертел его в руках, вздохнул и выплеснул желтую дрянь в лицо трактирщику. Джем зарычал, вооружился молотком, легко перемахнул через стойку и двинулся на обидчика. Я поспешно ретировался за ближайший стол – не люблю вмешиваться в чужую личную жизнь.

Молоток с шипением рассек воздух. Легким боксерским движением Ларс уклонился от удара и поднырнул под руку трактирщика. Однако тот обращался со своим инструментом мастерски. Молоток переключевал в другую руку и устремился вниз, к ногам бога войны. В последний момент Ларс успел отпрянуть назад, сохранив кости нераздробленными...

Джем махал молотком со сноровкой, сделавшей бы честь самому виртуозному плотнику. Ларс, без труда уворачиваясь, отступал, мне даже показалось, что он знал, как будет действовать трактирщик в следующий миг.

– Славный удар, – комментировал Ларс действия Красноносого. – А вот это довольно неуклюже. Тебе надо больше тренироваться с отбивными... О, как мы умеем! Не хотел бы я встретиться с тобой на узкой дорожке... Больше пыла, приятель, ты, как никогда, близок к победе... Что, уже выдохся? Ладно, тогда заканчиваем!

Смазливое лицо бога войны исказила жестокая гримаса. Каким-то змеиным движением он приблизился вплотную к трактирщику и взорвался градом беспощадных ударов: стопой по голени, коленом в пах, локтем в лицо...

Джем скорчился на полу, подтянув колени к груди и безуспешно пытаясь набрать воздуха в легкие, а Ларс продолжил избиение, пиная его ногами.

– Алё, хватит, – крикнул я не выдержав, – ты же его убьешь!

– Не, – сказал Ларс, – убиваю я мечом.

– Хорош, говорю! – Я подбежал к ним.

– Исключительно в целях самозащиты, – объяснил Ларс, нанося очередной удар подкованным сапогом. – Я их отучу шутки со мной шутить...

– Хватит, наконец! Какая самозащита?! Ты десять таких трактирщиков легко уделаешь... – Я схватил Ларса в охапку и попытался оттащить от жертвы.

– Я-то уделаю, – согласился он, легко выскальзывая из моих объятий, – да где их взять? Боятся все. Впрочем, вы, как всегда, правы, дружище. Этому делу мы тоже обязаны дать

официальный ход.

Джем наконец со свистом втянул воздух.

– Это что же получается, – простонал он, – получается, последний зуб мне выбили, демон вас накорми...

– Караул! – вдруг оглушительно заорал Ларс. – Спасите-помогите! Убивают-грабят! Ом!

– Чего это он? – спросил я, опускаясь на корточки и поднося флягу к разбитым губам Джема. – С глузду съехал?

– Ритуальное заклинание. Полицию зовет, гад... Запомни, тебе, как законнику, пригодится. Законников еще чаще, чем трактирщиков, бьют...

В кабак, громко топая, вбежал приземистый мужичок. Черная плетеная кольчуга обтягивала его могучие плечи и бочкообразную грудь. Голову венчал рогатый шлем, украшенный золотыми бляхами. На левом бедре у вбежавшего болтался короткий меч, за плечами висел колчан, набитый стрелами, а в руках он сжимал здоровенный арбалет.

– Ага, – радостно вскричал он, увидев трактирщика, – труп! И злоумышленник, цинично склонившийся над бездыханной жертвой!

– Кто это? – шепотом спросил я.

– Идиот! – хором ответили бог войны и бог чревоугодия.

– Вы арестованы за оскорбление должностного лица, находящегося при исполнении служебных обязанностей! Всем оставаться на местах!

– Это не оскорбление, – вздохнул Ларс, – это печальный

факт.

– Кто такой? – спросил любитель арестов, направляя на меня арбалет. – Я вас не знаю. А ну-ка, повернитесь в профиль и держите руки так, чтобы я их видел!

– Я вас тоже не знаю, – возмутился я, на всякий случай поднимая руки.

– Старший уполномоченный заместитель советника Верховного бога в делах законности и порядка Россума по второстепенным вопросам, бог порядка Тор Ефрей!

– Васин, – сказал я, смутившись. – Русский...

Ефрей долго и пристально разглядывал меня, как будто я был последней выставочной моделью суперсервера фирмы IBM, потом выудил из-под кольчуги пергаментный свиток и углубился в его изучение.

– А почему вы не зарегистрированы, Русский Васин? – спросил он. – Уклонение от регистрации карается! Предупреждаю, что все, что вы скажете, будет использовано против вас!

– Отстань от парня, – прокрихтел Джем, садясь. – Это новичок. Первый день. Он ни в чем не виноват.

– Все в чем-нибудь виноваты, – сообщил бог порядка. – Скучно с вами. Даже трупы нет! Я не понимаю, зачем меня вообще вызвали?

– Это я вызвал, – сказал Ларс. – Правда, я надеялся, что сегодня не ваше дежурство... Впрочем, к делу. Я обвиняю бога чревоугодия Джема Красноносого в попытке отравле-

ния и в вооруженном нападении на посетителя. Оба преступления были направлены против меня. Вот орудие злоумышленника...

– О! – обрадовался Тор. – Молоток! У меня в коллекции такого нет. Вещественное доказательство конфискуется в интересах следствия!

– Я еще не закончил, – властно перебил его Ларс. – Обстоятельства преступления позволяют предположить, что им заинтересуется сам Верховный.

– Сразу к Верховному? Не положено! Порядок – прежде всего. Составим протокол, переночуете в участке, небольшой допросик с пристрастием...

– К сожалению, вынужден настаивать на своей просьбе. Вы помните основные положения разъяснительной записки центрального секретариата от двенадцатого года прошлого века?

– Разумеется, – неуверенно сказал Тор.

– В таком случае я жду, когда вы сообразоволяете препроводить нас к Верховному, – торжествуя, заключил Ларс.

– Не знаю, не знаю... Кажется, вы просто пудрите мне мозги. Я должен подумать!

– Вы что же, собираетесь заняться этим прямо сейчас?! – испуганно вскричал Ларс.

– Ладно, – сказал Тор. – Верховный разберется. Встаньте рядом.

Ларс подошел и заботливо помог Джему подняться. Я под-

держал бога чревоугодия с другого бока. Бог порядка сделал несколько смешных танцевальных па и защелкал пальцами...

Через секунду мы уже стояли в просторном светлом зале. Я не слишком удивился, так как ожидал чего-то подобного, но отдал должное местным средствам передвижения. Никакого Верховного в зале не было. Зато была потрясающе красивая женщина. Она стояла рядом с заваленным свитками столом и приветливо рассматривала нас зелеными глазами. На ней была такая легкомысленная ночнушка, что я испугался, не попали ли мы в чужую спальню.

– Елена, нельзя быть такой жестокой, – пропел Ларс, подлетая к ней и целуя ручку, – я не видел тебя целую вечность...

– То есть сто лет, – сказала она, брезгливо вытирая обслюнявленную ладонь одним из свитков. – Я надеялась, что выгляжу моложе. Что привело вас сюда, боги?

– Рутинные дела, прекраснейшая, – весело сказал неунывающий Ларс. – Сможет ли Верховный принять нас? И что ты делаешь сегодня ночью?

Красавица раздраженно вскинула голову. Глаза наши на мгновение встретились. Она что-то ответила. Потом снова раздался баритон Ларса. Потом заговорил кто-то еще. Смысла я не понимал...

Да и какая разница, о чем они говорили? Какая разница человеку, внезапно осознавшему, что вся его прошлая жизнь

была лишь серой чередой бессмысленных поступков, которых он сейчас стыдился? Чем я занимался, при этом воображая себя человеком, мало того – мужчиной?!

Я ежедневно ел и спал, много пил и еще больше курил, ездил на дачу и за границу, соблазнял девушек и женился, учился играть на гитаре и в университете, откровенно халтурил и самозабвенно работал, дрессировал кошку и размышлял о смысле жизни, слушал Битлов и читал Чехова... Больше тридцати лет я бестолково пустил на ветер! Но теперь со всем этим кончено. Теперь у меня появилась настоящая, возвышенная, великая цель!

Отныне и навсегда, подобно верному псу, я буду ползать на брюхе у ног зеленоглазой красавицы! А-а! Я украду ее чулки и стану подглядывать за ней из кустов! О-о! Я стану убивать ее поклонников и буду ныть под ее окнами серенады! У-у! Я...

Тут, к счастью, мне под ребра вонзился острый локоть Джема. Я тяжело перевел дух и вышел из ступора.

– Опомнись, парень, – проворчал Джем. – Это всего лишь богиня любви. Их тут много.

– Он у вас что, неменяемый? – тем временем говорила красавица. – Это просто невежливо! Хорошо, я спрошу в пятый раз: кто вы такой?

– Простите, – пробормотал я, вытирая пот дрожащей рукой. – Простите, но я встретил вас, и все бывшее в отжившем сердце...

– Все ясно, можете не продолжать, – сказала красавица. – Поэт. Рада знакомству.

– В нашем полку прибыло, – сказал Ларс, ревниво посмотрев на меня. – Так что насчет аудиенции?

– Вас примут, но придется подождать, – кокетливо улыбнулась красавица. – Верховный с Учителем вызвали на ковер бога плодородия Гарика и сейчас воспитывают беднягу.

В одной из стен зала отворилась дверь, и оттуда, пошатываясь, вышел маленький чернокожий человек.

– Это еще вопрос, кто из нас дурак! – запальчиво крикнул он, после чего растаял в воздухе.

– Елена, – раздался тихий строгий голос, – запускай... И распорядись насчет обеда!

– Прошу вас, – сказала красавица, делая приглашающий жест в сторону двери.

Зал, в который мы вошли, был огромен. На потолке висели светящиеся золотые шары, многократно отражающиеся в зеркальных золотых же стенах. Я обалдел от такого обилия света и не сразу заметил двух стариков, завернутых в одинаковые белые простыни – по моде Древнего Рима и русских бань. Один из них как две капли воды походил на маньяка с картины в кабаке, только сейчас Верховный был спокоен и в глазах его не было безумия.

– Приветствую, – сказал он сухо. – Чем могу быть полезен?

– Привет, – довольно развязно сказал Ларс, – отличные

новости. Джем подсунул мне какую-то отраву, а потом пытался забить молотком.

– Хорошо! – обрадовался Верховный.

– Неплохо, – согласился Ларс. – Но самое главное: новенький бог обвиняет Бьорна Нидкурляндского в непосредственном нарушении закона!

– Это чушь! – вскричал я. – Я никого ни в чем не обвиняю!

– Стыдно, юноша, – укоризненно покачал головой Верховный. – Поймите, никто не желает Бьорну зла. Напротив, единственная наша цель – помочь оступившемуся, уберечь его от дальнейших ошибок. Замечу, что лично мне бог виноделия глубоко симпатичен, и я намерен воспользоваться этим случаем ему во благо. Я бы с удовольствием поменялся с ним местами и отдохнул в Ямах, но дела, дела... Так какой закон нарушен?

– Закон сохранения...

– Учитель?

Второй белопростыночный старик пожал плечами:

– Сохранения?

– Закон природы, – сказал я. – Закон сохранения вещества.

– Извольте объясниться!

Я объяснился.

– Нет такого закона! – визгливо крикнул Учитель.

– Нет, не было и не будет, покуда я жив! – громовым басом поддержал его Верховный, вскакивая с трона и подбегая ко

мне.

Я не трус. В своем кругу я известен как человек отчаянной храбрости. Меня и мой парашют дважды выбрасывали из летящего самолета где-то под Чеховом, а однажды я искупался в Чертановском пруду!!! Постоянные нападки начальства – от воспитательницы в детском саду до руководства фирмы, в которой работаю сейчас, – закалили мой характер. Но, как оказалось, к встрече с разъяренным Верховным я еще не был готов. С некоторым опозданием я вспомнил, что умирать лучше стоя...

– Да ведь он пытается подорвать основные устои общества! – удивленно воскликнул Учитель. – Да ведь он хуже брея, хотя и без рогов...

– Елена, бога порядка Россума ко мне! Встаньте, молодой человек, – приказал Верховный, успокаиваясь и переставая топтать ногами. – У вас честное лицо. Не может быть, чтобы вы придумали это сами. Кто вас подучил?

– Лавуазье с Ломоносовым, – признался я, поднимаясь с колен.

– Я должен их допросить.

– И примерно наказать! – добавил Учитель.

– Они давно умерли, – буркнул я, отряхивая джинсы.

– Воскресим. Место захоронения известно? А, Россум, наконец-то, – раздраженно сказал Верховный внезапно материализовавшемуся рядом с ним человеку в сером плаще. – Сколько можно ждть!

– Виноват, – сказал Россум бесцветным голосом.

Кроме серого плаща на нем были серые сапоги и серая шляпа. Лицо его, подобранное в тон одежде, выдавало человека с безукоризненным вкусом.

– Виноват. Меня задержало чрезвычайное происшествие.

– Ну и денек! Что еще стряслось?

– Сегодня, около семи часов утра, с помощью приспособления, именуемого вратами, был совершен несанкционированный переход на Землю.

– Кто посмел?!

– Бог виноделия, именуемый Бьорном Толстым.

– Бреи и демоны! – вскричал Верховный. – А куда же смотрел дракон? Именуемый драконом?!

– Рядом с круглой поляной, на которой расположены врата, обнаружен источник слабоалкогольного напитка, именуемого пивом. Дракон мертвецки пьян. Отказывается отвечать на вопросы и дерется. Врата не охраняются.

– Час от часу не легче! Немедленно выставить охрану! Немедленно отправить ноту протеста Древнейшине драконов! Погоню за беглецом. Тоже немедленно!

– Временная охрана выставлена. Дипломатические отношения не в моей компетенции. Переход врат формально не запрещен.

– Да, конечно, – сказал Верховный устало. – С драконами я сам... А что касается Бьорна Толстого – он сейчас в очень уютном месте. Пусть там пока и побудет...

– Эдак мы до утра провозимся, – капризно заметил Учитель. – Давайте решать вопросы по одному, начиная с простейших. Предлагаю для начала разобраться с Джемом. Обедать давно пора!

– А чего с ним разбираться, – оживился Верховный. – Допрыгался. Лет пятнадцать строгих Черных Ям, я думаю... Мне, конечно, не хотелось бы его наказывать...

– Это что же выходит, получается, – заворчал трактирщик, – получается, нет справедливости?!

Эта оригинальная мысль сильно разрядила создавшуюся в зале нервную атмосферу. Боги радостно засмеялись, Верховный даже смахнул набежавшую от избытка веселья слезу.

– Считаю своим долгом заявить, – неожиданно заявил Тор Ефрей, – что вину подозреваемого, а равно и меру наказания может установить только суд.

– Идиот! – перестав смеяться, сказал Верховный.

– Вот пускай суд и решает, кто из нас идиот!

– Елена! – заорал Верховный. – Сколько раз можно просить – бога порядка Тора Ефрея ко мне не пускать!

– А я категорически отказываюсь выполнять это ваше распоряжение! – крикнула красавица, вбегая в зал. – Увольте! Я один раз уже была арестована за сопротивление должностному лицу! Я провела незабываемую ночь в полицейском участке!

– Так, понятно, – сказал Верховный. – Тор Ефрей, извольте ответить на следующие вопросы. Почему вы привели об-

виняемого до проведения предварительного следствия? Где протоколы допросов? Где письменные показания свидетелей? Вы что, порядка не знаете?! Вы что, решили, что я должен выполнять за вас ваши обязанности?!

– Согласно основным положениям разъяснительной записки центрального секретариата! – четко отрапортовал Тор.

– Что такое центральный секретариат?

Тор вопросительно взглянул на Ларса.

– Гм, – сказал Ларс. – Я подумал, что вы заинтересуетесь таким делом. А этот формалист тащил нас в участок. Вот я и...

– Вы поступили совершенно правильно, – перебил Верховный. – Хвалю. Но это не мешает нам наказать болвана. Россум!

– Тор, – сказал серый Россум. – Приказываю незамедлительно отправиться в участок. Данной мне властью накладываю на вас взыскание – восемь дежурств вне очереди.

– Есть восемь дежурств вне очереди! – согласился Тор, защелкал пальцами, сделал несколько смешных танцевальных движений и исчез.

– Ларс, – сказал Россум, – расскажите, что там у вас вышло с трактирщиком.

– Ну, заскочил я утром в трактир. Пить очень хотелось. Сейчас, кстати, хочется еще больше. Вы позволите?

Ларс подошел к маленькому столику, на котором стоял

прозрачный графин с чем-то красным и несколько стаканов. Он налил в один из них и поднес к губам. На наших глазах с жидкостью произошла удивительная метаморфоза. Она вспенилась и пожелтела, опять завоняло кислой тухлятиной.

– Ларс, – с отвращением глядя на стакан, сказал Россум. – Не надо этого натурализма. Просто расскажите словами.

Но Ларс не стал ничего рассказывать. Он поставил стакан и снова схватился за графин, намереваясь хлебнуть из горлышка.

– Ну вот, – сказал Россум, – я же вас просил. Испортили хорошее вино.

Ларс поставил графин, теперь тоже наполненный желтоватой мутной дрянью, рядом со стаканом и посмотрел на меня.

– Дайте-ка вашу флягу, дружище.

– А вот это видел? – сказал я, одной рукой пряча драгоценную флягу за спину, а другой показывая Ларсу дулю. – Никогда!

Ларс потащил из-за спины длинный прямой меч.

– Успокойтесь, – вмешался Верховный. – Юноша прав. Кто-то наложил на вас заклятие, вот и все. Ваше прикосновение теперь способно превратить самую изысканную амброзию в эту желтую плесневую мочу.

– Что за заклятие?

– Сейчас поглядим, – бодро сказал Учитель, подходя к столику.

Он выхватил из воздуха пипетку и начал что-то капать в стакан с испорченным вином, вслух отсчитывая капли.

– Одна, две... Ларс, спрячьте меч... Четыре... Лучше скажите, чем я, по-вашему, занимаюсь?

– Капаете одну дрянь в другую, – угрюмо сказал Ларс.

– Молодежь, молодежь, – укоризненно проворчал Учитель. – Семь... Не знать самого простого магического титрования... Одиннадцать...

На тринадцатой капле жидкость в стакане резко изменила цвет на ядовито-синий.

– Поздравляю, – сказал Учитель. – На вас наложено заклятие тринадцатой ступени.

– Что это значит?

– Ну, как бы вам объяснить, – сказал Учитель. – Заклятия вплоть до пятой ступени я могу снять без посторонней помощи. Объединившись с Верховным и задействовав других крупных специалистов, мы могли бы снять заклятие седьмой ступени. Тринадцатая ступень неизлечима даже Одним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.